

В Бронислава
Вонсович

— ГИМНАЗИСТКА —
КЛАНОВЫЕ
ИГРЫ

— Магия, меняющая мир —

Бронислава Антоновна Вонсович Гимназистка. Клановые игры

Серия «Ильинск», книга 1

Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67172115

Б. Вонсович. Гимназистка. Клановые игры: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-138425-8

Аннотация

Очнувшись после покушения, Лиза понимает, что от нее прежней не осталось ровным счетом ничего. «Жизнь с чистого листа», – как сказал один из осматривавших ее целителей. Только с чистого ли? Старые умения и навыки пропали, зато загадочно появились новые. Отказался от негодной родственницы клан, зато поддержали старые друзья. Львовы, Медведевы, Рысьины, Хомяковы – в этом зверинце Лизе еще только предстоит найти свое место. Главное, чтобы оно оказалось не в клетке.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	88
Глава 8	101
Глава 9	114
Глава 10	127
Глава 11	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Бронислава Вонсович

Гимназистка.

Клановые игры

© Б. Вонсович, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Голоса прорывались словно через толстенное ватное одеяло, и через такое же одеяло просачивалась боль. Капля по капле она заполняла меня, грозя переполнить и опять уволочь в беспамятство. Мутные, невнятные слова постепенно складывались во вполне понятные фразы: «Это бесполезно», «Вы напрасно тратите силы», «Владимир Викентьевич, прекратите же!»

Боль стала совершенно невыносимой, и я застонала, попыталась открыть глаза, услышала радостное: «Ну вот, я же говорил, не уйдет» – и потеряла сознание.

Очнулась я, боли больше не чувствуя, но ощущая такую слабость, что даже приподнять руку не было сил. Что там рука – глаза приоткрылись с трудом. Приоткрылись, чтобы увидеть беленый потолок с трещинами и лампочкой, просто болтающейся на проводе. Забавно, но это не казалось неправильным. Большая пузатая лампочка выглядела старинной. Может, владельцы дома увлекаются историей? Ретростиль или этот, как его, лофт. Название казалось чужеродным для этого потолка, и все же я обрадовалась, что вообще его вспомнила: в голове была вязкая каша, которая никак не хотела оформляться в приличные мысли. Стоило ухватить одну за хвост – а она, как ящерица, оставляла этот хвост противнику и ныряла вглубь. Так что лофт – это од-

нозначно победа. Приободренная успехом, я почувствовала прилив сил и смогла повернуть голову.

Взгляд уткнулся в тумбочку, кое-как покрашенную в белый цвет. Так не красила даже Светка. Светка? Вспыхнувшее было имя тут же потускнело, не показав ни одного лица, с которым я могла бы его связать.

Скрипнула дверь, и раздалась тяжелая, уверенная поступь человека, который зашел не просто так, а по делу. Когда в поле моего зрения возник силуэт, я перевела взгляд с тумбочки на вошедшего. Серое платье (мышинного цвета, как услужливо подсказала память) почти полностью прикрывалось белым передником с неаккуратно нашитым на нем красным крестом. На голове вошедшей медсестры (а кто это мог быть, кроме нее?) была повязана белая же косынка, из-под которой кокетливо высовывались завитки, тронутые сединой. Почему-то в голову пришли мысли об исторической постановке, поскольку в моем представлении медсестра должна выглядеть по-другому. Как? Я чуть наморщила лоб, но потом отмахнулась от ненужных мыслей. Понятия не имею как, главное – по-другому, а не так, что в голову приходит театр и актриса, играющая то королеву, то медсестру. Во всяком случае, осанка у вошедшей была точно королевской.

– Очнулись, Лизонька?

– Я...

В горле словно прошлись комком колючей проволоки, говорить с таким оказалось совершенно невозможно, един-

ственное выдавленное короткое слово было больше похоже на хрип умирающего, чем на попытку ответить. Впрочем, медсестра поняла мое затруднение, взяла с тумбочки пузатый заварочный чайник, приподняла мне голову, и из носика чайника в мой рот полилась восхитительная влага. Впрочем, нет, не чайника: крышки на нем не было, а верхняя дырка было ровно вполовину меньше той, что должна быть у нормального чайника. Поильник, вспомнила я. Это называется поильник.

– Так лучше, Лизонька? – спросила дама, отнимая сосуд и ставя его опять на тумбочку.

Проводила я источник воды тоскливым взглядом, хотя и догадывалась, что пить сейчас много нельзя. Я после операции? Какой? Попала в аварию? Кажется, я всегда неосторожно переходила дорогу, не обращая внимания на машины...

– Спасибо, да. Но я не Лизонька, – прохрипела я куда более внятно.

Голос был ужасен. Не голос, а скрежет несмазанных шестеренок.

– А кто вы? – спокойно уточнила медсестра.

– Я... Я... Я не помню, – в ужасе ответила я.

Я бросала взгляды по сторонам в надежде, что хоть что-то наведет на нужную мысль, но взгляду тут было ровным счетом не за что зацепиться. Не было в этой комнате ничего, кроме кровати явно устаревшего образца, с никелированными металлическими прутьями на спинке изножья, и тумбочки

ки, неизвестно из какого чулана доставленной сюда. Даже капельницы на стойке не было, хотя подсознательно я ожидала увидеть хоть какие-то медицинские приборы. Эта же комната выглядела необычайно убого для больничной палаты. Хотя, может, это и не она. Может, меня похитили, накачали наркотиками и вырезали почку? Конечно, их две, но мне они обе дороги.

– Где я?! И кто вы?!

Голос стал чище, и тем не менее мне казалось: это совсем не мой голос. И самое ужасное – я не могла вспомнить, каким должен быть он, мой голос.

– Агата Михайловна, дежурная медсестра. Успокойтесь. Сейчас я позову Владимира Викентьевича, он вам все объяснит, – заворковала она, улыбаясь столь приторно-дежурной улыбкой, что я поняла: все не просто плохо, а очень плохо.

Ворковала она, приближаясь к дверям с навыками, явно выработанными за долгие годы работы с буйными пациентами. Но я-то не была буйной, я даже сесть на кровати смогла лишь с третьей попытки и с огромным трудом. И все для того, чтобы с изумлением уставиться на ночную сорочку из грубого полотна. Этот кошмар никак не мог принадлежать мне. Точно, кошмар! Это просто страшный сон, нужно себя ущипнуть, и все закончится. Но сколько я себя ни щипала, заканчиваться ничего не хотело. Возможно, потому, что щипки были совсем слабые: на сильные мои руки оказались не способны. Да и сами руки – тонкие, совсем как детские.

Или я так исхудала после продолжительной болезни? Но какой?

В голове от попыток вспомнить хоть что-то зашумело, как море в шторм, да и меня саму заштормило – я покачнулась на кровати, чуть не свалилась на пол, но в последний момент удержалась за холодную металлическую спинку. Взгляд опять зацепился за ночную сорочку. Я провела по ней рукой, все больше убеждаясь, что она реальна, и все же никак не желая в эту реальность верить.

– Это не мое, – убежденно заявила я и подергала рукав.

Не знаю, на что рассчитывала. В самом деле, не на то же, что он прямо сейчас изменится на что-то воздушно-шелковое с кружевами?

– Разумеется, не ваше, Елизавета Дмитриевна. – Глубокий бас не соответствовал сухонькому старичку с совершенно белой клиновидной бородкой, впрочем выглядящей достаточно ухоженной и аккуратной. – Это собственность лечебницы. Ну-с, как мы себя чувствуем, барышня?

– Отвратительно, – честно признала я, с трудом удерживаясь в сидячем положении.

– Ничего. Скоро будет лучше, – оптимистично заявил Владимир Викентьевич, если, конечно, это был тот, за кем ходила медсестра. Вот и она сама высовывает озабоченную физиономию из-за плеча нового действующего лица. – Сейчас, сейчас, только не вставайте.

Я даже не улыбнулась. Не вставайте? Да я едва удержива-

уюсь от падения. И если это произойдет, то лучше бы на кровать, а не на пол. Пол, конечно, деревянный, что странно для больничной палаты, но разбить нос и о такой можно запросто.

Неожиданно руки Владимира Викентьевича окутались зеленым сиянием, одна легла мне на лоб, второй же он взял мою правую руку так, словно собирался считать пульс. Но занимался он точно не этим, поскольку сияние с его руки впитывалось в мою. Все это походило на... шоу? На высококлассное шоу, позволяющее забыть о неказистой обстановке.

– Как вы это делаете? – спросила я.

– Что?

– Зелень на руках. Я не вижу никаких приспособлений.

– Владимир Викентьевич – целитель высшей категории, – неожиданно оскорбилась Агата Михайловна. – Зачем ему какие-то приспособления?

Целитель, ага. Высшей категории. Которому не нужны приспособления. Голова опять пошла кругом, но все же не столь сильно, как несколькими минутами раньше. И вообще, чувствовала я себя на удивление легко. В танец пуститься бы не получилось, но встать и пройти до туалета – вполне. Не то чтобы мне этого хотелось прямо сейчас, но одна мысль, что я смогу это сделать при необходимости, успокаивала. Я встала, держась на всякий случай за холодную металлическую спинку кровати с забавными шариками-навершиями. На спинке небрежно висел халат, наверняка тоже больнич-

ный, я набросила его на ночную сорочку и почувствовала себя куда уверенней. Во всяком случае, признаков операции не ощущалось, а все остальное можно пережить.

– Агата Михайловна, – чуть поморщился Владимир Викентьевич, – сообщите в управление, что Елизавета Дмитриевна очнулась. Они просили сразу с ними связаться.

Медсестра кивнула и пошла к двери, а я с удивлением обнаружила, что юбка у форменного платья не только длинная, но наверняка еще и с подъюбником: слишком пышной она казалась, хотя само платье не производило впечатления праздничного. Но тут я сообразила, что думать мне нужно совсем не о форменной одежде в этом заведении.

– Управление? – Я перевела вопросительный взгляд на целителя.

– Сыскное управление, – пояснил он. – Видите ли, Елизавета Дмитриевна, они хотели вас допросить.

– Я совершила что-то нехорошее? – испугалась я до холодной испарины, сразу представив, как меня, без признаков сознания, находят с окровавленным ножом в руке рядом с мертвым телом.

– Вы не помните? – Он прищурился. – Вы, Елизавета Дмитриевна, сядьте, если уж лежать не хотите.

Я помотала головой, чувствуя там непривычную тяжесть. Кажется, раньше у меня не было столько волос. Или было? На краешек кровати я все же присела, чтобы не упасть, если слова Владимира Викентьевича окажутся слишком нежиз-

данными.

– Я не помню, что было до того, как я здесь очнулась. Со всем ничего не помню.

– Агата Михайловна сказала, что вы не помните даже своего имени.

– Не помню.

– Елизавета Дмитриевна...

– Я точно не Елизавета Дмитриевна.

Он взял меня за руку, и место соединения опять осветилось зеленым. Да что за чертовщина здесь творится? Это все совершенно ненормально. Но заволноваться я не успела: пришло странное спокойствие, явно неестественного происхождения, поскольку помрачением сознания не сопровождалось. Наверняка Владимир Викентьевич поспособствовал. Я взглянула на него внимательнее. Обычный дедушка, ничем не примечательный. Но способности у него необычные. Непонятные способности, пугающие.

– Пока вы не вспомнили, давайте пользоваться привычным Елизавета Дмитриевна, – миролюбиво предложил он. – Должны же мы к вам как-то обращаться?

– Вы так и не ответили, зачем я сыскному управлению. Я кого-то убила? – бухнула я, сразу желая определенности.

Врач, нет, целитель помялся, явно не горя желанием отвечать, и спросил:

– Вы считаете, Елизавета Дмитриевна, что могли кого-то убить?

– Нет, – в ужасе помотала я головой. – Но я совсем ничего не помню. Ничегошеньки.

Я всхлипнула, он прикоснулся к моей руке, вздохнул. Опять зеленое свечение – и рыдать резко расхотелось.

– Вы никого не убивали, Елизавета Дмитриевна. Покушение было на вас и вашу маму.

– Мою маму?

– Увы, ее спасти не удалось. Когда вызвали полицию, Ольга Станиславовна была уже мертва. – Он виновато посмотрел на меня. – Поверьте, Елизавета Дмитриевна, если бы это было в моих силах, я бы ее вытащил.

Я кивнула, соглашаясь с его словами. Почему-то целителю было необычайно важно, чтобы я поверила: он сделал все что мог. При словах о том, что моя мама умерла, в груди ничего не шелохнулось, никакого образа не появилось перед глазами. Я не помнила ее так же, как и всего остального. Возможно, потом, когда я все вспомню, осознание утраты накроет меня с головой, но сейчас это всего лишь смерть человека, которого я не знала.

– Я ее не помню. Я совсем никого не помню. И ничего. Совершенно.

– Такое бывает. – Он участливо похлопал по моей руке. – Организм сам отгораживается от шока. Возможно, для вас это и к лучшему.

– Не к лучшему. Лучше помнить все и всех, – возразила я. – Вы говорите, на меня покушались, но я не знаю ни кто,

ни из-за чего.

– Здоровое размышление. – Мне показалось, что Владимир Викентьевич заколебался, не зная, уступить ли, или это не пойдет на пользу моему состоянию. – Но вы пока слишком слабы, чтобы забивать себе голову подобным.

Возможно, он бы долго упорствовал, но тут в палату в сопровождении Агаты Михайловны вошел еще один... врач? Целитель? Темноволосый, кругленький, как колобок на ножках, в халате, при взгляде на который в голову пришло выражение «чехол для танка». И пер он так же напролом, как танк. Подскочил к кровати, не здороваясь, цапнул меня за руку, которую отобрать оказалось не так просто и которую почти тут же окутало зеленое сияние, и заговорил, чуть картавя и растягивая гласные:

– Агата Михайловна говорит, здесь работа по моему профилю? Барышня, не дергайтесь, вы мешаете проводить диагностику.

– Да, по вашему, – неохотно ответил Владимир Викентьевич. – Елизавета Дмитриевна не помнит ни себя, ни окружающих. Но я не уверен, что для нее это не благо.

Они с Агатой Михайловной переглянулись этак понимающе, отчего мне только сильнее захотелось вспомнить хоть что-то.

– Разумеется, благо, – возмутился пришедший. – Лучше помнить все, чем мучиться от незнания, не так ли, барышня?

– Конечно.

Я оживилась. Подозреваю, что профиль этого целителя – возвращать утраченные воспоминания. А это именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Но радовалась я ровно до того момента, как его руки засветились подозрительным фиолетовым. К зеленому я уже почти привыкла и поняла, что этот цвет несет исцеление, а вот фиолетовый – не уверена. Руку я выдернула.

– Что случилось? – удивился целитель.

– Мне не нравится цвет. Фиолетовый – слишком тревожный.

– Обычный цвет для работы с менталом. Привычные целительские сейчас бессильны. Не волнуйтесь, барышня, не наврежу и обещаю лишнего не смотреть, – он хохотнул так, что колыхнулся всем туловищем, но тут же посерьезнел и спросил: – Постойте, вы видите цвет?

– Видит, – вместо меня ответил Владимир Викентьевич. – Это тем более странно, что в ее карте указан весьма низкий уровень, только для базовых заклинаний.

– Сильные потрясения иной раз вызывают непредсказуемый скачок. Непременно нужно будет измерить заново. Ну-с, барышня, успокоились? Продолжим?

Не дожидаясь моего ответа, он опять ухватил меня за руку, мягко, но уверенно, вызвал неприятное фиолетовое свечение и прикрыл глаза. Видно, чтобы сосредоточиться. Прикрыла глаза и я, но отнюдь не пытаюсь что-то вспомнить, просто собственная рука в этом свете выглядела пугающе

неживой, а она и без того казалась чужой. Внезапно пришло в голову, что я понятия не имею, как выгляжу и сколько мне лет. И это было куда страшнее, чем то, что творил второй целитель.

А он точно что-то творил. Каша в голове колыхалась, мерзко булькая, но не выпуская из себя никаких воспоминаний. Почему-то опять всплыло имя Светка, не принеся с собой никакой картинки, но зато захватив дополнительное слово-ассоциацию «договор».

– Потрясающе! – неожиданно восторженно сказал целитель. – Полное стирание личности! Я с таким сталкиваюсь впервые. Похоже, Владимир Викентьевич, душа слишком долго пробыла в отрыве от тела, нарушились точки привязки – и вот результат. Нет, случай не единственный, но настолько редкий, что я и читал только о двух, и то – давнишних. А здесь еще и все базовые навыки сохранены. – Он радостно потер руки этаким моющим движением, потом поднес щепоть ко рту и причмокнул. – Какой вкусный материал для статьи. Потрясающе!

– И что же здесь потрясающего? – проворчал Владимир Викентьевич. – Разумеется, кроме того, что вы получили материал для статьи?

– Как это? А развитие личности? Пойдет ли оно по тому же пути, или что-то изменится? Барышня, ваша жизнь сейчас как чистый лист: что напишете, то и будет.

В открытой двери появился новый персонаж – мужчина в

высшей степени старомодном костюме-тройке. Уверена, таких не носил даже мой дедушка. Вошедшему это не мешало иметь весьма высокомерный вид. Впрочем, смешной головной убор – память услужливо подсказала название «котелок» – он снял сразу же, как вошел.

– Господин Звягинцев, могу я побеседовать с вашей пациенткой?

Это был не вопрос – требование, так что я сразу поняла, что появился представитель того самого управления, в которое должна была сообщить медсестра. Быстро они собрались.

– Можете, – не без ехидства ответил целитель, – но она вам ничего не скажет. Видите ли, любезнейший, у Елизаветы Дмитриевны наблюдаются проблемы с памятью. И не просто проблемы, а полное стирание личности. Она не помнит ничего из того, что с ней было до попадания сюда.

Похоже, они виделись не впервые и не слишком друг друга жаловали. Более того, не жаловала пришедшего и медсестра – вон с каким недовольным видом принялась оглаживать сестринский фартук, словно только одно появление нового действующего лица измяло и испачкало ее безупречную одежду. Второй целитель утратил жизнерадостный вид и неприязненно поглядывал на пришедшего.

– Но вы же можете их решить. Или ваш коллега. Это нужно срочно.

Опять приказной тон. Агата Михайловна сузила глаза, а

рот сжала так, как будто боялась, что не удержит рвущихся слов, которые представителем правопорядка будут восприняты весьма неоднозначно.

– Увы, увy. – Второй целитель картинно развел пухлыми руками. – Ни я, ни кто-либо иной. Это я могу вам сказать с полной определенностью, как один из лучших менталистов. Стирание личности, любезнейший, – это вам не шуточки. Она ничего не помнит и не вспомнит, а следовательно, ничего не сможет вам рассказать. Хорошо хоть, базовые навыки сохранились.

И они с представителем сыска принялись играть в гляделки, словно только от того, кто выйдет победителем в этом поединке, зависит, решатся ли мои проблемы с памятью. Первым сдался господин с котелком в руках. Он недовольно перевел взгляд на меня и спросил:

– Елизавета Дмитриевна, вы совсем ничего не помните?

– Совсем.

– Иногда бывает, что что-то, благодаря своей важности, остается в памяти и всплывает, – пришел ему на помощь менталист. – Быть может, что-то кажется вам важным? Скажите, пусть это даже на первый взгляд выглядит несерьезным. Слово, словосочетание или чье-то лицо – может быть все что угодно. Вдруг это поспособствует раскрытию преступления?

Пожалуй, я могла их порадовать.

– Имя Светлана. – Я решила, что Светка – звучит несе-

рѣзно и совершенно не подходит к антуражу. – И слово «договор». Лиц я, к сожалению, никаких не помню. Даже своего.

– Светлана и договор, – повторил представитель сыска. – Негусто. Но уже зацепка. Насколько я помню, в вашем окружении Светлан не было.

– Редкое имя, – заметил менталист с такой гордостью, словно это являлось его личным достижением.

Глава 2

Эта тетка мне не нравилась до зубовного скрежета. И хотя говорить про княгиню «тетка» неправильно, но другого слова, чтобы ее точно описать, у меня не нашлось. Не было в ней ничего княжеского, кроме дорогой одежды и драгоценностей, вот их был даже перебор, на мой вкус. Княгиня сияла как рождественская елка, разбрасывая яркие разноцветные лучики при попадании на нее солнца. Правда, от этого она не становилась ни добрее, ни праздничнее. А уж я, в застиранном халате, по сравнению с ней выглядела наверняка как бедная сирота, которой, впрочем, и являлась. Бедная сирота при богатой попечительнице лечебницы. Которая сейчас размышляла, что же со мной делать, и смотрела при этом, не скрывая выражения гадливости на лице. Впрочем, к чему оно относилось – ко мне, к моей одежде или к лечебнице в целом, – было не понять, а сама посетительница не торопилась начинать разговор. Вошедший с ней Владимир Викентьевич молча переминался у нее за спиной, хотя и приоткрывал пару раз рот, явно желая что-то сказать, но не решаясь.

– И чем вы хотели меня удивить? – наконец разбила тишину княгиня. – Видом неопрятной девицы? Так таких девиц по улице бегают...

Она пренебрежительно помахала пальцами перед собой, то ли пытаясь показать, как именно они бегают, то ли нелов-

ко пересчитать девиц, к числу которых отнесла меня. Камни на перстнях радостно заблестели, словно огоньки на... Сравнение убежало, хотя казалось: еще немного – и я вытащу его из глубин памяти на поверхность. Что ж, нет так нет.

– Ваша светлость, она ваша внучка, – заметил целитель.

Его слова не только удивили меня, но и возмутили княгиню до глубины души и вздернувшегося подбородка. Она повернулась к Владимиру Викентьевичу и посмотрела так, что тот стушевался и сделал пару шагов к двери. Пожалуй, я бы тоже на его месте попятилась, если бы собеседница вдруг ни с того ни с сего зашипела, выставив перед собой руки. К чести целителя, он опомнился и остановился почти сразу. А я бы, наверное, удрала подальше, тем более что никакого желания общаться с этой особой у меня не было. Более того: было острое нежелание даже видеть ее.

– У меня нет внучки, – отрезала неприятная тетка. – За эту... ошибку моего младшего сына мы сполна расплатились. Ее матери была куплена квартира. Этой же... – презрительный кивок на меня, – оплачено обучение в одной из лучших гимназий. Уверяю вас, любезнейший, мы сделали для них куда больше, чем любой на нашем месте.

– Видите ли, ваша светлость, других родственников у нее нет, – продолжал упорствовать целитель. – Поэтому ваш долг позаботиться о ней.

Это предложение не вызвало энтузиазма не только у княгини, но и у меня. Да, я тыкалась сейчас, как новорожден-

ный котенок, ничего не зная и не понимая. Но я твердо была уверена: ничего хорошего не выйдет, если эта светлость примется за мной присматривать. Она мне не нравилась до странной внутренней дрожи, и очень было похоже, что это чувство взаимно.

– У меня долг только перед своим кланом, – отрезала княгиня. – Если эта особа была бы хоть чем-то полезна, но нет: это всего лишь бесполезное отродье.

На меня она обращала внимания не больше, чем на любой предмет мебели, и говорила обо мне, выбирая наиболее оскорбительные выражения, с явным желанием унижить.

– У нее есть магия.

– У нее этой магии едва хватило для занятий с наставником. И то мне постоянно намекают, что она не слишком успешно справляется с заданиями.

– Покушение запустило рост дара. Елизавета Дмитриевна теперь видит магию. Объем и цвет.

– В самом деле? – Княгиня резко развернулась, вперилась неприятным цепким взглядом очень светлых серых глаз и создала в руке черный дымчатый комок.

– Ваша светлость! – метнулся к ней Владимир Викентьевич. – Здесь лечебница. Здесь не место для такой магии.

– Какой такой? – не поворачиваясь к нему, процедила княгиня. – Если она действительно видит цвет, ее не затруднит ответить.

Если от того, отвечу ли я, зависит, возьмет ли эта тетка

меня под свою руку, то нужно крепко подумать, стоит ли говорить правду. Попадать к ней в зависимость категорически не хотелось, поскольку я чувствовала, что мы не уживемся и однажды я сорвусь с непредсказуемым результатом. Или она: уж больно выразительно она меня игнорировала, не то что не обращаясь по имени, а вообще ведя диалог через третье лицо.

– Елизавета Дмитриевна, ответьте же Фаине Алексеевне, – подрагивающим голосом попросил целитель.

– Красный, – решила я.

– Вот как? – нехорошо усмехнулась моя родственница и, чуть пошевелив пальцами, убрала черноту, но не руку передо мной. – А теперь?

– Черный, – недрогнувшим голосом отрапортовала я.

Целитель бросил на меня возмущенный взгляд, но сказать ничего не успел, поскольку княгиня резко развернулась к нему и прошипела:

– Милейший, к чему было устраивать цирк? Это отродье как было бесполезным, так и продолжает оставаться таковым! Посчитали, что обманом сумеете заставить меня ее опекать? Зря. Среди Рысиных дураков нет. И не будет.

– Ваша светлость, но это же ваша внучка, а значит, ваша прямая обязанность позаботиться о ней. Больше этого сделать некому.

Мне показалось, что ногти на выставленных на противника тетких пальцах удлинились и заострились. Я потрясла

головой, моргнула – нет, совершенно обычные ухоженные руки с аккуратным маникюром и изящными пальцами, унизанными массивными перстнями, часть которых на женской руке смотрелась даже неуместно. Но сама владелица ухоженных рук сейчас больше всего напоминала ведьму, даже воздух вокруг нее, казалось, уплотнился и заискрился.

– Властью, данной мне кланом Рысьиных, навечно отказываюсь от прав и обязанностей по отношению к девице Елизавете Седых. – Из одного из перстней вырвался красный луч, а где-то высоко в небе прогрехотало, словно отказ был услышан и засвидетельствован... богами? – Ей нет места в нашем клане.

Княгиня резко и шумно выдохнула, встряхнула руками, словно сбрасывала не видимые никому капли, и прошествовала на выход, шурша юбками и не обращая внимания ни на меня, ни на Владимира Викентьевича. Тот расстроено охнул, но пошел за ней, то ли по обязанности вежливого провожатого, то ли надеясь, что она изменит решение.

Наверное, княгиня ушла сразу, потому что целитель очень быстро вернулся и тут же на меня обрушился:

– Елизавета Дмитриевна, зачем вы это сделали? Вы же прекрасно все видели. – Он расстроено потер лоб. – Лишить себя поддержки одного из сильнейших российских кланов... Ох, пожалеете вы еще, да только теперь дороги назад нет.

Обманывать этого замечательного, беспокоящегося за ме-

ня человека не хотелось, поэтому я честно, хоть и несколько резко ответила:

– Пусть она жалеет. Я точно не пожалею, если наши дороги больше не пересекутся. Владимир Викентьевич, вы же видели, она меня ненавидит. Кстати, вы не знаете почему? Я внебрачный ребенок?

– Что вы говорите, Елизавета Дмитриевна, – шокированно замахал он руками. – Просто, с точки зрения княгини Рысьиной, брак ваших родителей – мезальянс. Ваша матушка имеет... имела лишь небольшой магический дар, – смущенно поправился он. – Отец же был весьма силен по меркам оборотней.

– По меркам кого? – удивленно переспросила я, подозревая, что собственные уши сыграли со мной злую шутку, позволив услышать совсем не то, что было сказано. Какие оборотни?

– Оборотней, – повторил Владимир Викентьевич. – Его прочили главой клана в обход старшего брата, но сначала случилась неподходящая женитьба, потом – нелепая смерть. Если бы вы переняли от него способность к обороту, княгиня была бы к вам более благосклонна, но, увы, от отца вы ничего не взяли.

Он говорил совершенно серьезно, и все же постоянно казалось, что он меня разыгрывает. Какие оборотни? Какие кланы? Какая способность к обороту? Все это никак не встраивалось в мою картину мира. Впрочем, она была до то-

го не проработана, что сейчас в нее при желании можно было встроить что угодно. Но все же оборотни – это чересчур.

– Обратней не существует, – уверенно заявила я. – Это детские сказки.

Владимир Викентьевич застыл на месте, удивленно на меня таращась.

– Как вы можете утверждать, что обратней не существует, если только что общались с представительницей одного из сильнейших кланов, которая с трудом удержалась от оборота, настолько вы ее бесили? – Неужели мне не показалось, что ногти княгини удлинились и заострились? Да нет, ерунда какая-то. – Наверное, все дело в шоке, – задумчиво предположил он, – в результате которого вы старательно отгораживаетесь от всего травмирующего. Родство с Рысьиными для вас, несомненно, один из таких факторов. Но от оборотничества вам, увы, не отгородиться. Это же государствообразующее понятие.

– Что именно?

– Клань обратней составляют Большой Совет, во главе которого находится император.

– Император выборный?

Я невольно заинтересовалась и внезапно представила картину, как у подножия трона толпится куча диких животных, отпихивая друг друга и стараясь усадить именно свою пушистую попу на императорский трон. В моем воображении побеждал медведь и звучала странная знакомо-незнакомая

фраза: «Господа, вы звери», приобретающая в данном контексте куда более глубокий смысл.

– Почему же выборный? Титул наследуемый. – Теперь уже Владимир Викентьевич смотрел недоверчиво. Наверняка считал, что забыть свое имя – нормально, а вот забыть, как управляется государство, – настоящая трагедия.

– Император – тоже оборотень? – на всякий случай уточнила я.

– Разумеется, ведь именно оборотни встали между народом и Зверем.

– Зверем?

Голова шла кругом: то мне казалось, что Владимир Викентьевич меня разыгрывает, то – что он совершенно серьезен и лишь хочет помочь, объяснив то, что я должна была усвоить с детства. Словно накладывались две картинки, имеющие много общего, но отличающиеся мелкими деталями, и получающееся изображение было расплывчато-зыбким, не похожим ни на одно из двух первоначальных. Но правильное-то только одно, и мне непременно нужно разобраться, какое именно.

– Боги, вы совсем ничего не помните, Елизавета Дмитриевна? – страдальчески спросил целитель.

Я покачала головой. То, что вспоминалось, никак не состыковывалось с тем, что сейчас рассказывали. К примеру, в голове внезапно всплыло «Бог един в трех лицах», но Владимир Викентьевич говорит о них во множественном числе.

Не могли же Отец, Сын и Святой Дух неожиданно стать тремя богами?

Владимир Викентьевич вздохнул и повел рассказ, больше всего похожий на детскую сказку. О том, как последний правитель из рода Романовых под видом строительства новой столицы провел масштабное жертвоприношение и вызвал Зверя из Бездны. И если бы не противостоявшие ему волхвы, воззавшие к исконным русским богам, была бы на земле Русской пустошь. А так боги откликнулись и наделили избранных силой: кого способностью к обороту, кого магией, а кого – и тем и другим. И вот эти-то, третьи, и стали основой Большого Совета. Причем именно эти третьи образовали кланы, главами которых становятся самые сильные представители. Кланов, которые брали под свое крыло не только носящих «звериную» фамилию, но и тех, кто мог быть полезным клану в целом. Владимир Викентьевич еще раз посетовал, что я так повела себя с Рысиной, рядом с которой мне было бы намного безопаснее.

– Не уверена, – возразила я. – Судя по тому, что эта особа плохо держит себя в руках, рано или поздно она бы меня загрызла.

Целитель слабо улыбнулся, показывая, что понял шутку, но она не показалась ему особо смешной.

– Елизавета Дмитриевна, вы же маг, и, судя по нашим замерам, у вас запустился резкий рост дара. Пара лет занятий с хорошим преподавателем – и вы кого угодно спеленаете, а

то и... – он не стал развивать эту тему дальше и тут же пояснил: – Впрочем, не люблю делать прогнозы. Магия непредсказуема. Будем надеяться, что о вас захочет позаботиться другой клан. Сильных магов мало, и они ценный ресурс. Так что, какой бы путь вы ни выбрали, непременно останетесь в выигрыше.

– Моя мама была магом, но ни в какой клан не входила, – сказала я, больше предполагая, чем опираясь на известные мне факты.

– Она была слабым магом, Елизавета Дмитриевна, ради такого никто из кланов не пошел бы на конфронтацию с Рысьиными, которые непременно высказали бы свое недовольство. Но она работала на государство, в военном ведомстве.

– Кем работала? – уточнила я. – Боевым магом?

– Что вы! – удивился целитель. – Какой боевой маг с ее даром? Секретарем-копировальщицей.

Он замолчал, а я подумала, что смерть мамы наверняка была связана с ее работой, поскольку пытавшийся меня допросить следователь упомянул, что из дома пропали все артефакты, даже простейшие бытовые. Не осталось ни одной вещички со следами магии. Может, не так уж и безопасно иметь дар?

– Ну как? – с надеждой спросил целитель. – Что-то прояснилось? Может, вспомнили, кто у нас правящее семейство?

– Медведевы? – предположила я, исходя из того, что медведь – это фактически наш национальный символ. Еще вод-

ка и балалайка. Но вряд ли существуют столь экзотические оборотни...

– Что вы? Медведевы, несомненно, сильный род, но они зимой... не слишком активны, влияние второй ипостаси на человеческую очень сильно. Представители клана Медведевых могут запросто уснуть на заседании. Львовы же! – победно бросил Владимир Викентьевич. – Ну как, вспомнили, Елизавета Дмитриевна?

– Владимир Викентьевич, как я могу вспомнить то, чего не знаю? – проворчала я, досадуя больше на себя, чем на целителя, который всего лишь хотел помочь.

– Часть понятий у вас сохранилась, – возразил он, – вот я и пытаюсь выяснить, насколько большая часть и что она затрагивает. Название столицы вы тоже наверняка не помните?

– Москва, – оживилась я.

– Вот видите, – обрадовался целитель, – что-то сохранилось. Только это старая столица, до явления Зверя. С выбором нового императора и Совета было решено построить новую столицу, ближе к восточной части империи. Царско-левск.

Царсколевск? Сколько я ни крутила в голове это слово, оно ничего не захотело на себя цеплять, не вызвало ни малейших ассоциаций. Создавалось полное впечатление, что я его слышу впервые. Впрочем, как и кучу информации до этого.

– И как мне вас выписывать, Елизавета Дмитриевна? –

вздыхнул Владимир Викентьевич. – Вы же сейчас как ребенок малый, вас каждый может обмануть. И держать вас в семейной лечебнице Рысьиных я больше не могу, максимум – до завтра. Да и то...

Он махнул рукой, а я остро почувствовала, что у милого целителя из-за меня будут неприятности, даже из-за того, что я останусь тут до завтра. Но сегодня он меня в любом случае не отпустит, да я сама не стремилась выйти в пугающую неизвестность.

– Отдыхайте пока, Елизавета Дмитриевна, попозже я еще зайду.

Он уже направился к двери, но я остановила его вопросом:

– Владимир Викентьевич, если мои родители состояли в законном браке, почему я Седых, а не Рысьина?

– Зверинные фамилии имеют право носить только истинные оборотни. То есть пойдя вы, Елизавета Дмитриевна, в батюшку, были бы Рысьиной, но, увы, его способностей вы не получили, и поэтому вы Седых, как ваша матушка, светлого ей ирия. – Он изобразил в воздухе странную завитушку, явно не имеющую отношения к магии. – Поэтому в семье двух оборотней дети могут носить разные фамилии. Конечно, такие браки не поощряются, но бывает все.

– Лисьевы и Зайцевы? – невольно рассмеялась я.

– Именно, – подмигнул Владимир Викентьевич. – Или как в семье вашей подруги: Волковы и Хомяковы. Впрочем, Вол-

ков там всего один.

И он ушел, оставив меня переваривать невозможную мысль, что у меня есть подруга, умеющая превращаться в хомяка, а ее брат – в волка. Интересно, а бывают ли гибриды и как они выглядят? Мама дорогая, это точно сон!

Впрочем, долго размышлять мне не дали, поскольку представительница замечательного клана Хомяковых решительно ворвалась в мою палату.

Глава 3

Оленьку Хомякову, жизнерадостную голубоглазую девицу с толстенной пшеничного цвета косой, вряд ли бы взяли в разведку. Не потому, что она не имела второй ипостаси, как раз наоборот, с этим все обстояло прекрасно, во всяком случае по ее словам, а вот с умением держать язык за зубами – нет. Владимир Викентьевич успел ей сообщить, что я ничегошеньки не помню, поэтому подруга старательно заполняла пустующие места нужными и ненужными сведениями. Так, я почти одновременно узнала, что учитель по географии – зверь, хотя и без второй ипостаси, но по внутренней сущности – гибрид змеи и ехидны, а чтобы купить апельсин, Оленьке пришлось обегать половину Ильинска. Ильинск – это город, в котором мы находились. Как ни странно, я была уверена, что одна из лучших гимназий, о которой столь пафосно говорила отказавшаяся от меня недобабушка, столичная, а поди ж ты, нет. Наверное, на столичную у Рысьиных денег не хватило, вот и выбрали лучшее среди худшего, или худшее среди лучшего, или, как вариант, самое недорогое среди лучшего. Или просто на меня решили не тратить, посчитав ненужным балластом.

Старательно обходя тему смерти моей мамы, о которой Оленька упомянула лишь в начале появления и не смогла сдержать слез, она почти непрерывно болтала, перескакивая

с одной темы на другую, и выставляла на тумбочку кучу разнообразных горшочков со снедью, призванных накормить не меньше чем полный гимназический класс, о чем я не преминула заметить.

– Скажешь тоже, – хихикнула Оленька, заправив непокорную выбившуюся кудряшку за ухо, – нашим это на один зубок. Так, только размяться, и все. Да и то только Строговой.

– А Строгова?..

– О, – мечтательно протянула Оленька, – Строгова такая... – Она обрисовала руками силуэт, больше всего похожий на бурого медведя в преддверии спячки, когда тот полностью набрал жировые запасы на долгую сонную зиму. – Ее ни с кем не перепутать. Сама увидишь.

– Если увижу.

– А почему нет? Владимир Викентьевич сказал, что Рысьины твое обучение оплатили. Деньги гимназия никогда не возвращает, это в договоре прописано. Не хочешь же ты подарить деньги Булочке?

Оленька возмущенно посмотрела на меня, набрала в ложку какую-то кашу и ловко засунула мне в рот. Я совершенно не ожидала такой подставы. Все же слишком много времени прошло с тех пор, как я начала есть самостоятельно. Да и сейчас я открывала рот совсем не для того, чтобы в него что-то положили, поэтому, не дожидаясь следующей порции, невнятно спросила:

– Буфочке?

– Директриса же, – удивленно пояснила Оленька. – Ей жалованье платят из наших денег.

Она подготовила еще одну ложку и внимательно смотрела мне в рот, ожидая, когда я его опять необдуманно открою. Но поскольку я уже была настороже, встречи с очередной порцией еды успешно избежала, просто уклонившись в сторону.

– Учителям тоже платят из них же, – напомнила я. – Не надо меня кормить!

– Как это не надо? Владимир Викентьевич сказал, что ты должна хорошо кушать, чтобы набраться сил, – запротестовала Оленька, – так что давай не увиливай. Тебе еще сегодня к нам перебираться.

– К вам?

– Не будешь же ты жить одна? – Она потешно вытаращила глаза и задумчиво положила ложку с кашей себе в рот. К слову, каша была весьма вкусной, с мясом, и если бы мне дали ложку, вполне может быть, что от содержимого этого горшочка уже ничего не осталось бы. – Не переживай, с папенькой согласовано, в мою комнату поставят вторую кровать.

Я опешила:

– Это, конечно, здорово, но, во-первых, я ничегошеньки не помню: ни тебя, ни твою семью, ни учителей...

– Зато я тебя помню. Не буду же я отказываться от подружки только потому, что она меня забыла, – ничтоже сумняшеся заявила Оленька. – Я же тебя помню. Ты вот она, рядом,

и ты моя подруга, а значит, я должна тебе помочь вспомнить все.

Говоря, она выразительно размахивала ложкой, потом решила, что та пустой выглядит несолидно, и опять набрала каши, задумчиво отправив ту в свой собственный рот.

– А во-вторых, у вас будут проблемы с кланом Рысьиных, если я вдруг у вас поселюсь.

– Ой, напугали Хомяковых Рысьиными, – весело махнула она рукой и запустила ложку в горшочек. Так, не поняла, кому принесли еду? – У нас и без того отношения не заладились, когда мой папа мою маму у твоего папы увел.

Не иначе как от неожиданности я отобрала у нее и ложку, и горшочек. Такие известия нужно встречать во всеоружии.

– Твой папа увел невесту у моего? – на всякий случай уточнила я.

Почему-то захотелось увидеть женщину, променявшую фамилию Рысьина на Хомякову. Правда, я почти сразу вспомнила, что фамилия у нее осталась своя, Волкова, но дети-то, дети – Хомяковы, а могли быть Рысьиными. Я даже немного оскорбилась за папу, которого променяли на мелкого грызуна.

– Не совсем так, – возразила Оленька, почувствовавшая мое настроение или просто огорчившаяся тем, что ложку у нее отобрали. – К тому времени твой папа уже разорвал помолвку и всюду ухаживал за твоей мамой, но Рысьина-старшая не смирилась и делала все, чтобы не допустить ненужно-

го брака и вообще вернуть все как было, поэтому обхаживала Волковых, чтобы те не торопились выдавать дочь замуж. Но тут маме пришлось срочно выходить за папу...

– Почему срочно? – заинтересовалась я.

Не совсем внятно, потому что каша как-то незаметно перекочевывала из горшочка туда, куда Оленька собиралась ее первоначально отправлять, но отвлеклась.

– Потому что Волкову за Хомякова никто бы не выдал, – пояснила подруга. – Но мы же Хомяковы! Мы проберемся всюду, где нас не ждут, и непременно добьемся поставленной цели, – закончила она оптимистично. – Кстати, ты помнишь, что почти помолвлена с моим братом?

– Точно не было такого! – Я поперхнулась от неожиданности, и комочки каши щедро усеяли белую тумбочку.

Чтобы я вышла замуж за Хомякова? Да никогда! Впрочем, я тут же вспомнила, что среди Хомяковых затесался один Волков, может, о нем речь? Но поскольку все равно ничего не вспоминалось, то и гадать нечего.

– Ну вот, а говоришь, ничего не помнишь, – разочарованно протянула Оленька.

– Это ты сейчас, пользуясь моей амнезией, пыталась меня обмануть? – возмутилась я. – А еще говоришь – подруга. Подруги так не поступают.

Я демонстративно засунула ложку в горшочек и отодвинула подальше. Все равно он уже опустел. Да если бы и не опустел: никакая каша не стоит вливания в дружную хомя-

ковскую семью.

– Это я так, проверить, – ничуть не смутилась Оленька. – Да даже если бы ты вдруг согласилась, что что-то такое могло быть, у брата никакой амнезии нет, он-то точно помнит, что ни о какой помолвке речи не заходило. – Она заглянула в горшочек, тяжело вздохнула и принялась накручивать на палец кончик косы. – С другой стороны, если одна сторона согласна, другую уговаривать намного проще, а мы и без того с тобой как сестры.

Она с надеждой на меня посмотрела, но я ее сразу же разочаровала:

– Я не согласна. Кроме того, я не помню ни тебя, ни твою семью.

– У меня замечательная семья, – гордо сказала она. – Хомяковы – это сила. Вспомнишь. Вот поживешь у нас и вспомнишь.

– У меня есть своя квартира, – не согласилась я. – Почему я должна жить непонятно у кого?

– Лиза, ты не можешь жить одна, – убежденно сказала Оленька. – Да и на что ты будешь жить?

Я задумалась. При слове «деньги» воспоминаний не возникло ровным счетом никаких. Сомневаюсь, что я буду в состоянии хоть что-то заработать, одновременно учась в гимназии. Судя по словам бывшей бабушки, знаниями я не блистала, а сейчас и все, что выучила, благополучно забыла.

– Возможно, мне положена какая-то пенсия? – предполо-

жила я. – От военного ведомства?

– Пока ее будешь выбивать, успеешь состариться, – проворчала Оленька. – Лиза, ну прости меня, согласна, это была глупая шутка. – Она полезла обниматься и чуть не уронила меня на кровать, все-таки я не слишком устойчиво сидела, да и противная слабость не желала пока уходить. – Обещаю, больше никогда-никогда.

Она клятвенно приложила руки к груди, вполне себе оформившейся для ее лет шестнадцати-семнадцати. Наверное, и мне столько же. Я ведь до сих пор даже не представляла ни как выгляжу, ни сколько мне лет.

– Оля, у тебя есть зеркало? – строго спросила я. – А то меня никуда не пускают.

– Конечно. – Она начала вываливать на тумбочку содержимое своих поистине бездонных карманов, и я заподозрила, что в ее случае фамилия полностью отражает внутреннюю суть. К примеру, зачем носить с собой недоеденное яблоко или сломанный карандаш? Но и зеркало наконец нашлось, маленькое карманное зеркальце, больше похожее на пудреницу, этакая серебряная коробочка с пышным букетом роз сверху. – Держи.

Из зеркала на меня уставилась совершенно незнакомая бледная девица с огромными темными кругами под глазами. Краше в гроб кладут. Это я невольно повторила вслух.

– Обычно ты выглядишь посимпатичнее, – хихикнула Оленька. – Но Владимир Викентьевич и так тебя лишь чудом

с того света вытащил, а остальное восстановится. Главное – вовремя есть и спать.

Она отобрала зеркало, всунула мне в руку невесть откуда взявшийся пирожок и забулькала подозрительной жидкостью из кувшина. Я решила, что собирайся она отравить, сделала бы это уже с кашей, и мужественно откусила немного от пирога, который еще даже не остыл. М-м-м... С рисом и грибами, моя любимая начинка. Положительно, в Хомяковых есть что-то хорошее, пусть это что-то и не один из хомяковских сыновей. Я аж глаза прижмурила от наслаждения, поэтому не заметила, когда в палате появился целитель.

– Владимир Викентьевич! – радостно завопила Оленька. – Я забираю Лизу к нам, она согласилась.

Я опять поперхнулась и долго не могла откашляться. Подруга услужливо затарабанила по моей спине кулачками.

– Я не соглашалась, – наконец выдавила я, утирая выступившие слезы. – Я никого не помню, как я могу к кому-то переезжать?

– Скажите же ей, Владимир Викентьевич, – возмутилась Оленька, – что Лиза не может жить одна.

– Разумеется, не может, Ольга Петровна. Ей требуется присмотр. Целительский присмотр, поэтому она пока поживет у меня, – тоном, не допускающим ни малейших возражений, выдал Владимир Викентьевич. – И не вздумайте отказываться, Елизавета Дмитриевна.

– Как это у вас? – возмутилась Оленька. – У нас. Мы почти

родственники, у нас ей будет лучше. А захотите присматривать – приходите в гости.

Выражение «почти родственники» насторожило. Возможно, Оленька Хомякова имела в виду, что мы с ней очень близкие подруги, а возможно, намекала, что от идеи породниться так и не отказалась. Нет, пока я не вспомню хоть что-то, нужно быть как можно более осторожной.

– У меня есть квартира, – напомнила я.

– Кроме как где-то жить, вам, Елизавета Дмитриевна, еще надо что-то есть. И что вы будете есть в холодной квартире?

– Вот именно! – поддержала его Оленька. – А у нас кухарка такая, что даже Рысьины могут только облизываться.

– У меня тоже есть кухарка, Ольга Петровна, – целитель был непреклонен. – А еще есть знания, которых нет ни у кого в вашей семье.

– Брат проходил курсы первичной медицинской помощи, – продолжила Оленька почти безнадежную борьбу.

– Елизавете Дмитриевне первичная медицинская помощь не нужна. Ей требуется серьезная целительская.

– Вы думаете, Владимир Викентьевич, память удастся восстановить? – оживилась я. – Но ваш коллега сказал, что это невозможно.

– Память восстановить действительно невозможно. Это подтвердил еще один специалист, запрошенный военным ведомством. Очень уж они хотят знать, что случилось у вас дома.

– И какая тогда ей нужна целительская помощь?

– У Елизаветы Дмитриевны пока еще очень слаба связь души и тела.

– То есть она может умереть? – испугалась Оленька.

Признаться, я тоже. Жить, ничего не помня, было не слишком комфортно, но в любом случае куда лучше, чем не жить.

– Что вы, Ольга Петровна, разве я это допущу? – возмутился Владимир Викентьевич. – Я не для этого Елизавету Дмитриевну вытаскивал. Но все же укрепляющие процедуры ей не помешают.

Это была чистая победа. Оленька сникла, голубые глазки потухли в преддверии поражения, но она все же нашла в себе силы предложить:

– Мы будем возить ее к вам, когда скажете.

– Зачем же подвергать пациента ненужной тряске? К тому же я живу совсем рядом с гимназией и Елизавете Дмитриевне не придется долго добираться.

Оленька окончательно опечалилась, но и меня не порадовали слова Владимира Викентьевича.

– А я смогу учиться? Я же совсем ничего не помню.

– За этот год гимназии уплачено, – сказал Владимир Викентьевич, – а ваша матушка хотела, чтобы вы учились. Не попробуйте – не узнаете.

– А откуда вы знаете, чего хотела моя мама?

– Владимир Викентьевич дружил с твоим дедушкой. –

Оленька сказала это столь укоризненно, что я даже застыдилась, что забыла.

– Именно так, – подтвердил целитель. – И с вашей матушкой после смерти ее отца мы не прекращали общения.

Стало ясным его желание помочь, проистекающее из чувства долга по отношению к внучке друга.

– А я не сильно вас обременю? – уже почти смиряясь с неизбежным, спросила я.

– Помилуйте, Елизавета Дмитриевна, – всплеснул он руками. – Да мне в радость будет, если вы у меня поживете. Одинокому человеку по вечерам и словом перекинуться не с кем. – И, заметив, что я все еще колеблюсь, тоном змея-искусителя продолжил: – А еще у меня приличная библиотека. Не сказать чтобы очень большая, но хорошая. Будет подспорьем в учебе.

Мне не очень нравилось, что все решают за меня. Но был ли у меня выбор? Сейчас, когда я совсем ничего не знала о том, что находится за дверями палаты, он заключался лишь в том, к кому я пока переезжаю. С учетом хомяковских матримонимальных планов целитель был предпочтительнее. Осталось решить только один вопрос.

– А мои вещи?

– Я соберу, – оживилась Оленька. – Соберу и помогу тебе устроиться. И если окажется, что Лизе не оказывают должного внимания...

Суровый тон намекал, что подруга от идеи заселить меня

к себе не отказалась и лишь ищет подходящий предлог.

– Не окажется, милая барышня. И если вы хотите помочь Елизавете Дмитриевне собрать вещи, делать это нужно сейчас. Увы, настаивают на немедленной выписке.

Какая, однако, неприятная у меня недобабушка. Только и думает, как побольней уколоть. С другой стороны, посторонним в рысинской лечебнице не место, а я, как ни крути, теперь посторонняя, чему я скорее рада.

Оленька метнулась за моими вещами метеором. Не знаю, не забыла ли она чего важного, но привезла и учебники, и верхнюю одежду и даже белье, вид которого вогнал меня в полнейший ступор. Нет, я знала, как надеваются панталоны с кокетливыми кружавчиками снизу. Но сам факт, что нужно надевать панталоны, застегивающиеся на пуговицу сбоку, уже казался неправильным. Черные чулки, ладно бы тоненькие, нежно облегающие ногу, так нет – толстенные, да еще и колючие. Серое форменное платье. Оказывается, гимназистки должны были и за пределами гимназии носить форму. Почему-то, надевая все это, я чувствовала себя актрисой из исторической постановки, хотя беглый взгляд на подругу доказывал, что надо мной не издеваются и что так действительно ходят. Серое же пальто было необычайно тяжелым и тянуло к земле, словно пудовая гиря. И как я только это все носила?

Наверное, если бы не Оленька, поддерживающая меня с одной стороны, и Владимир Викентьевич с другой, я бы са-

мостоятельно не дошла. Шатало меня как во время шторма из одной стороны в другую, ноги не хотели держать, а предательские струйки пота, казалось, собирались в полноценную реку, чтобы с крышей залить лечебницу. Но все же мы дошли до пролетки, в которой я даже не уснула по дороге, настолько интересно оказалось все рассматривать.

Создавалось впечатление, что здесь я никогда не была, хотя, по словам целителя и Оленьки, должна была знать город до самой неприметной улицы. К слову, город выглядел довольно милым, хоть и не мог похвастаться высотными строениями.

Владимир Викентьевич жил в небольшом двухэтажном домике, окруженном множеством деревьев, показывающих миру лишь голые ветви. Наверное, сейчас осень. Для зимы – снега не хватает, для весны – слишком мрачно. Хотя сегодня мрачным мне казалось все, да и темнело на улице с ужасающей быстротой.

Комнату мне выделили на втором этаже, совсем рядом с библиотекой.

Оленька сразу засуетилась, раскладывая мои вещи в шкаф и по полкам, а целитель взял за руку и опять начал переливать в меня зелень. Этак скоро я позеленею не хуже весенней травки. И буду не только с амнезией, но и экзотической расцветки. Успокаивало только то, что магию видят не все, а значит, для остальных я буду выглядеть нормально. Во всяком случае, пока не заговорю.

Усталость навалилась на плечи, словно я сегодня весь день тяжело работала. Глаза сами собой закрывались. Даже Оленька поняла, что сейчас меня лучше оставить в покое, расцеловала в обе щеки, сунула в руки увесистую книжку, заявив, что это моя любимая и я спать без нее не ложилась, и убежала, пообещав непременно прийти завтра.

А я провалилась в мутный сон, из которого к утру совершенно ничего не помнила. Книга, всунутая мне Оленькой, так и лежала рядом с подушкой. Я привстала, переложила ее на тумбочку, но так неловко, что книга раскрылась и оттуда выпал кусочек картона, которым наверняка та я, до покушения, заложила понравившееся стихотворение. Досадуя на себя, что теперь не узнаю, какое стихотворение мне нравилось, я подняла картонку и обнаружила, что это вовсе не картонка, а фотография. Фотография весьма красивого офицера с каллиграфической надписью на обороте: «Лизоньке от Юрия». Фамилии не было, и все же появилась уверенность, что этот Юрий – Волков, слишком хищная была физиономия. И вставал вопрос: подарил ли он мне свою фотографию ранее или ее подсунула Оленька, пользуясь случаем.

Глава 4

Фотографию я засунула назад в книгу, никакого отклика в моей душе она не вызвала. Да, юноша на ней выглядел весьма и весьма, но если у нас что-то и было, то я совершенно не помню, так что теперь ему придется завоевывать меня по новой, и то не факт, что получится. Желания родниться с Хомяковыми не появилось, несмотря на привлекательную внешность Волкова.

Было еще совершенно темно, но сон ушел и возвращаться не собирался. Возможно, раньше при бессоннице я закутывалась в одеяло и мечтала о красавчике Юрии, прижимая к груди его фотографию, но сейчас мне было не до романтических грез: в голову приходили на редкость неприятные мысли. Я понятия не имела, что делать дальше. Не сидеть же на шее у целителя, тем более что у него могут быть из-за меня неприятности.

Я была уверена, что, если вспомню все, смогу позаботиться о себе сама, не навлекая неприятностей ни на Звягинцева, ни на Хомяковых. Но вот беда: ничего вспомнить так и не удавалось. В голове бродили обрывки мыслей, касающихся магии. Уверена: это именно то, что может дать мне независимость.

От слабости не осталось и следа, чувствовала я себя на удивление бодро и жаждала хоть какой-то деятельности, луч-

ше всего – связанной с магией. Слова Владимира Викентьевича, что я смогу создавать разноцветные сгустки непонятного назначения, накрепко засели в моей голове. Хотя почему непонятного? Уверена, каждому цвету соответствует свое направление: зеленый использовался при лечении, фиолетовый – когда копались в моих пострадавших мозгах, черный – явно что-то из боевых, не зря же так испугался целитель. Наверняка есть и другие, не менее веселые расцветки, просто я пока видела только эти три. А поскольку упоминались мои занятия магией, то наверняка я могла не только видеть ее, но и создавать. Но как?

Я смотрела на руки, пытаясь вызвать хоть какое-то свечение, но совершенно безрезультатно. Было ли это следствием моего плачевного состояния, или я просто не знала, что делать? Должны же быть какие-то техники, позволяющие вызывать магию и ее использовать? Если тело помнит, как ходить и говорить, возможно, оно помнит и как использовать магию?

Почему-то в голове всплыло «упражнение со свечой». В комнате было темно, но стоило чуть напрячься, как чернота серела и я начинала четко видеть предметы. Свечей не было. Зато на письменном столе стояла прекрасная керосиновая лампа с не менее прекрасным фитилем. Наверняка его тоже можно зажечь.

Я села на стул напротив лампы и уставилась на нее. Фитиль загораться не желал, я даже не заметила, чтобы он начал

тлеть. Возможно, потому, что силы моей мысли недостаточно, чтобы пробить стекло, его ограждающее? Я сняла колпак с лампы и опять устала на фитиль. Не происходило ровным счетом ничего. Наверное, я что-то делаю не так.

Я поставила локти на стол, уперлась подбородком в руки и, не сводя взгляда с фитиля, начала обдумывать, как же его все-таки зажечь. Вспомнилось, что и у Владимира Викентьевича, и у недобабушки магия начиналась с формирования сгустка в руке. То есть получается, что проводником магии служат руки, а не глаза? Тогда я напрасно столько времени пялюсь на лампу.

Я встала, отошла от стола, вытянула к злополучному фитилю руку и представила, как от меня через руку проходит волна огня, зажигающая этот чертов фитиль.

Наверное, все дело было в том, что я уже была необычайно зла из-за того, что ничего не получается. Ничем иным я не могу объяснить то, что с моей руки сорвался не тонкий лучик, а настоящий огненный шквал, поджегший не только фитиль, но и стол, и тяжелые бархатные гардины за ним. Судя по звону стекла, окно за гардинами пострадало тоже. Стекланный колпак от керосиновой лампы, задетый лишь самым краем моей магии, повис прозрачной соплей со столешницы, совсем как часы на картине Дали. Столешница под соплей почернела, но не развалилась.

Гардины радостно запыльхали, а я от страха завизжала на весь дом. К чести Владимира Викентьевича, появился он

буквально через пару секунд. И вид его меня настолько удивил, что я застыла, приоткрыв рот, которым набирала воздух для новой серии визга. Ибо был целитель в ночной рубашке и с колпаком на голове.

Несмотря на неподобающий вид, Владимир Викентьевич действовал уверенно, потушил огонь щелчком пальцев. Следующим щелчком зажег огонек над головой и внимательно осмотрелся, не опуская рук, на которых подозрительно светилось что-то красное. Однако не так-то прост хозяин дома.

– Где они? – шепотом спросил Владимир Викентьевич, воинственно ворочая острой бородой по сторонам, словно это было тайное оружие, которому стоит только указать цель, а дальше оно расправится с противником по своему усмотрению.

– К-кто? – так же шепотом уточнила я.

В себя от созерцания его одежды для сна я уже пришла. В конце концов, если он сам считает, что нет ничего необычного, то мне, с моими провалами в памяти, тоже нужно делать вид, что все совершенно нормально.

– Те, кто на вас напал.

– На меня никто не нападал. Это я.

– Что вы? – С его руки слетела тонкая зеленая паутинка, раскинувшаяся по всей комнате и почти сразу истаявшая. – Не хотите ли вы сказать, Елизавета Дмитриевна, что пожар – ваших рук дело?

– Я не хотела. Просто было темно, я решила зажечь лам-

пу. И вот. Простите, ради бога, Владимир Викентьевич, – я всхлипнула, – я даже представить не могла, что все так получится.

– Погодите. – Он придвинул к себе стул, явно собираясь на него сесть, но стул, впрочем как и все остальное, был покрыт слоем сажи и непременно бы испачкал ночнушку целителя, поэтому тот лишь недовольно на него поглядел и отодвинул. – Вы хотите сказать, что сами создали огненный шторм?

– Я не хотела. Так получилось, – покаялась я. – Я всего лишь пыталась зажечь лампу.

А вместо этого зажгла стол и шторы. Боюсь, ни то, ни то теперь иначе как для растопки использовать было нельзя, да и то, что осталось, долго гореть не будет даже традиционным способом: на шторах сохранились лишь края, а стол прогорел до состояния угля.

– То есть вы вспомнили, как призывать магию? – обрадованно уточнил Владимир Викентьевич, потом посмотрел на разгром в комнате, понял, что поторопился, и уточнил куда более мрачно: – Хоть что-то вы вспомнили, Елизавета Дмитриевна?

Я отдала должное его выдержке. Я разнесла одну из комнат дома, а владелец не только не говорит, что думает о моем умственном развитии, а находит в себе силы на спокойную и вежливую беседу. И даже чему-то радуется.

– Я ничего не вспомнила. Но я подумала, что, если пред-

ставить огонь, идущий от руки, можно зажечь фитиль на лампе. Вот и...

– То есть вы использовали сырую силу, – укорил он. – Это совершенно нерационально.

За его спиной появилась заспанная горничная в туго запахнутом халате. И вид у нее, несмотря на заспанность и халат, был настолько респектабельный и неодобрительный, что я сразу вспомнила, что на мне только ночная сорочка, и быстро набросила на себя халат, сиротливо висевший на спинке кровати. И что мешало мне это сделать до начала моих магических изысканий? Или даже вместо?

– Владимир Викентьевич, что случилось?

– Артефакт криво сработал, – неожиданно ответил он, показывая мне знаком молчать. – Был при Елизавете Дмитриевне. Наверное, преступники испортили, а мы, увы, не проверили. Подготовьте барышне другую комнату. Эта пока для жилья непригодна. Я сейчас переоденусь и подойду. Все равно уже пора вставать.

Меня сопроводили в комнату с другой стороны от библиотеки. Собственно, заселение ничем не отличалось от того, что было с вечера, разве что части вещей я недосчиталась. Из книг остался только томик стихов с закладкой в виде волковской фотографии. Интересно, я ему хоть немного нравилась?

В одиночестве я долго не просидела. После деликатного стука появился Владимир Викентьевич, одетый словно на

прием, даже борода была уложена волосок к волоску. Наверное, настоящий практикующий маг должен быть очень аккуратен, чтобы не допустить того, что случилось в моей, теперь уже бывшей, комнате.

– Я непременно все возьму, – залепетала я.

– Ой, да что там возмещать, Елизавета Дмитриевна? – успокаивающе забормотал Владимир Викентьевич. – Даже не переживайте. Я собирался целиком менять обстановку в той гостевой, да все руки не доходили, так что теперь только поблагодарить могу за помощь. Но имейте в виду, Елизавета Дмитриевна, что ремонта в других комнатах у меня в планах нет, поэтому убедительно прошу вас в дальнейшем быть поосторожней.

– Почему вы сказали горничной про артефакт?

– Незачем ей знать обо всем, что происходит в доме, – отрезал он и неожиданно предложил: – А давайте-ка мы, Елизавета Дмитриевна, пройдем в библиотеку? Сядем со всеми удобствами, поговорим. И я вас опять обследую.

Он подхватил меня и потащил в соседнюю комнату с такой скоростью, что я опомнилась уже там, сидя на стуле напротив него, и тут же спросила:

– Что-то случилось?

– Возможно, – уклончиво ответил он и вперился в меня чуть расфокусированным взглядом.

Теперь я видела не только зеленое свечение на его руках, но и тонкие полупрозрачные структуры, наверняка диагно-

стические. С такими способностями и томограф не нужен. Томограф? Я даже успела вспомнить, что они бывают двух типов, но все это тут же вылетело из головы, поскольку целитель вздохнул и сказал:

– Странная картина, Елизавета Дмитриевна. Сильное потрясение действительно может вызвать рост магии, но он никогда не бывает таким... лавинообразным. Вашу матушку беспокоил ваш уровень, и она тщательно следила за обязательным выполнением вами нужных упражнений, но они не давали не то чтобы значительного прироста – вообще никакого. И тут вдруг такой скачок.

– Возможно, усилия складывались, складывались и... – Я вытянула руку, но тут же вспомнила сорвавшийся огненный шквал и торопливо прижала ее второй: как-никак мы сейчас в библиотеке и урон от меня может оказаться куда больше, чем шторы и письменный стол. – А сейчас-то что мне делать?

– Заниматься. Я вам покажу пару упражнений по контролю. – Он осмотрелся и наверняка сразу подумал о моей потенциальной разрушительности. – Но не здесь. У меня есть небольшое экранированное помещение в погребе.

– В погребе? – Я невольно хихикнула, представив длинные ряды полок с огурцами, спекаемые моей огненной волной в одну стеклянную стену.

– А что в этом смешного, Елизавета Дмитриевна? – удивился Владимир Викентьевич. – Ах да, вы же наверняка не помните, что чем больше слой земли, тем легче ставить огра-

ничивающие контуры.

– Увы, про контуры я действительно ничего не помню, Владимир Викентьевич, – смущенно признала я. – Зато при слове «погреб» появляются вполне конкретные картинки с продуктовыми запасами.

– Это тоже есть, но в другой его части, – согласился цельитель. – Пойдемте.

– Сейчас?

– Разумеется. До завтрака мы вполне управимся, Елизавета Дмитриевна. А то вы слишком активно начали восстанавливать забытые возможности. Что вас вообще заставило спешить в столь серьезном деле?

– Я не подозревала, что оно настолько серьезное. То есть, напротив, то, что оно серьезное, я понимала, а вот что настолько опасное – нет. А как с этим справляются дети?

Владимир Викентьевич двигался весьма шустро для своего возраста, я еле за ним поспевала. Но это не мешало ему отвечать на мои вопросы, которых было куда больше, чем я могла озвучить.

– Магия растет с возрастом, поэтому к вашим годам маг обычно понимает, что делает, а в два-три года разве что искорку выпустит. Достаточно присмотра няни даже с небольшим уровнем магии. Но у вас, Елизавета Дмитриевна, уровень теперь не тот, что был раньше, и требует осторожности. Да и организму подстроиться стоило бы дать. – Он помолчал, но недолго, и неожиданно сказал: – Мне кажется, Елизавета

Дмитриевна, что покушение повлияло на ваш характер. Существует гипотеза, что сила магии зависит от силы характера, и на вас она нашла подтверждение. Вы очень изменились. Манера поведения, выражения, даже взгляды совсем другие. Если бы я не видел вашу ауру, мог бы заподозрить, что на вашем месте кто-то другой.

– Но какое-то объяснение у вас есть?

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна. На вас влияет рост уровня магии.

– И если магия пропадет, то я опять стану слабой и безвольной особой?

Волевой я себя и не чувствовала, напротив, мне казалось, что сейчас я позволяю себе плыть по течению, вместо того чтобы разобраться в том, что происходит, и отказаться от опеки целителя.

– История знает такие примеры, – подтвердил Владимир Викентьевич. – Но люди, теряющие магию, теряют и интерес к жизни, так что безволие может оказаться связанным и с этим.

Он наклонился и распахнул люк в полу, ранее не замеченный мной. Вниз, в темноту и сырость, уходила узкая лестница. И не слишком длинная: похоже, в погребке выпрямиться во весь рост сможет не каждый.

– Прошу вас, Елизавета Дмитриевна.

Спускалась я, постоянно пытаюсь наступить на подол и грохнуться с лестницы. Кажется, я отвыкла от юбок. И ко-

гда только успела? В лечебнице находилась всего ничего. Твердый пол под ногами я ощутила с огромным облегчением, сразу отошла, чтобы не мешать спускаться целителю, и осмотрелась. Ожидавшихся стеклянных банок не было, вместо них стояли горшочки, коробочки, ящики и бочки. Впрочем, баночки тоже были – маленькие, явно с лекарственным наполнением, стояли в двух небольших шкафах со стеклянными дверцами, которые казались чем-то инородным в окружении мешков с картошкой. Но заинтересовали меня не они, а дверь, обнаружившаяся за одной из полок.

Помещение за ней было совсем крохотным, и большую его часть занимал стол с химической посудой, над которым пристроилась вытяжка. Владимир Викентьевич захлопнул дверь и провел по ней рукой. Теперь руку окутывало голубое сияние, слившееся со сложным узором на двери. С двери сияние перешло на стены, пол и потолок. Создавалось впечатление, что мы находимся в клетке со сложным переплетением прутьев.

– А выйти мы сможем? – невольно вырвалось у меня.

– А что вас убеждает в обратном? – удивился Владимир Викентьевич.

– Голубые линии вокруг.

– Они не позволяют вырваться магии. Вы сами при желании можете спокойно выйти, нарушив при этом целостность полога. Попробуйте, если опасаетесь.

Мне очень хотелось сказать, что я полностью доверяю це-

лителю, но это было не так: я никому не доверяла, мало ли что мне могут рассказывать. Поэтому я все же прошла к двери и открыла. Голубое сияние погасло, а я убедилась, что при желании легко могу выйти.

– Извините, Владимир Викентьевич. Но все это так непривычно.

– Вы видите только цвет? Или больше? – уточнил он, опять активируя защиту.

– Еще рисунок. – Я изобразила на некотором расстоянии от двери подобие того, что видела на ней. – Примерно вот такой. Когда вы лечите, там более тонкие... плетения.

Почему-то показалось правильным использовать именно это слово.

– Замечательно, – расцвел он. – Елизавета Дмитриевна, вы не представляете, как вам повезло. Но для начала все же разберемся с контролем.

С контролем мы разбирались долго. Так долго, что горничной пришлось напоминать о завтраке три раза. Оказалось, очень сложно выдавливать по капле, если за «заслонкой» бушует целое море. А оно именно бушевало. Как пояснил Владимир Викентьевич, это последствия продолжающегося роста.

На завтрак я уходила даже с облегчением, а после него была полна энтузиазма заниматься дальше. Но Владимир Викентьевич заявил, что мне необходим отдых, а ему – посещение лечебницы.

– Но вечером?.. Владимир Викентьевич, мы же продолжим вечером?

– Завтра утром, – твердо решил он. – Не раньше. Перенапряжение для вас, Елизавета Дмитриевна, может быть опасно.

– И чем мне заниматься весь день? – мрачно спросила я.

– Только не магией, – торопливо бросил он. – Хотя можете что-нибудь почитать по этой теме в библиотеке. Главное – не практикуйте без меня, даже если очень захочется. Конечно, я активирую защиту, но она весьма энергозатратна, так что надеюсь на ваше благоразумие, Елизавета Дмитриевна.

И действительно, перед уходом он сделал так, что дом для меня засиял, как новогодняя елка, целой кучей разноцветных линий и огоньков в местах их пересечений. Подозреваю, что там была защита не только от пожара, но и от потопа, резкого роста картофеля и даже вспенивания квашеной капусты в кадке. Последняя меня не привлекала ни в каком качестве, но разве я могла бы убедить в этом целителя, переживающего за собственное жилище?

И я уже совсем было собралась провести весь день в библиотеке в компании выданных томиков с интригующими названиями: «Магия для самых маленьких», «Огонь, Вода и Земля в картинках», «Развитие мелкой моторики на примере плетений из группы Огня» и «Самоконтроль и медитация». Но планам моим исполниться было не суждено, потому что я даже картинки не все пересмотрела, когда появи-

лась Оленька Хомякова с радостным известием:

– Я договорилась с парой девочек из класса. Поиграем у нас вечером в лото, заодно все тебе про школу расскажем. Все, что ты забыла.

– Но...

– Никаких но. Я даже с братом договорилась, что он вечером тебя привезет и отвезет. Он немного поворчал, что, мол, автомобиль не для того, чтобы возить туда-сюда посторонних девиц, но потом согласился.

– А без брата обойтись нельзя? – почти смиряясь с неизбежным, спросила я. – Я так дойду.

– Зачем доходить так, если у нас есть машина? – чуть нарочито удивилась Оленька.

Все-таки интересно, Юрий Волков мне подарил фотографию сам, выдал под давлением сестры или вообще не в курсе, что у меня есть его изображение? Там, конечно, есть надпись, но кто знает, писал ли он сам, а если да, то какой Лизе...

Глава 5

Оленька не задержалась, поскольку торопилась в гимназию, но пообещала непременно сообщить мне домашнее задание и помочь подготовиться к следующему дню, потому что «все равно придется идти на учебу, так чем раньше – тем лучше». Я ее энтузиазма не разделяла и намекнула, что у меня пострадали учебники, а это, несомненно, знак свыше, что занятия – не самое мне сейчас необходимое. С другой стороны, этак можно додуматься, что сохранившаяся книга с фотографией тоже знак, но об этом я благоразумно умолчала, решив никому не говорить, пока не разберусь сама, связывали ли меня какие-нибудь отношения с Юрием.

– Думаю, это последняя мелкая неприятность перед даром судьбы. Большим даром, просто огромным, – неожиданно уверенно заявила Оля, разведя руки в стороны, чтобы показать размеры того дара, который вскоре на меня свалится. Я понадеялась, что судьба ко мне все же не будет столь щедрой, а то под грузом ее даров меня непременно расплющит. – Лиза, мы же друг другу слово дали – вместе до конца.

– До какого конца? – подозрительно уточнила я, памятуя, что он у меня недавно едва не случился.

– Победного, разумеется. Мы еще им всем покажем. – Олечка потрясла кулачком прямо у меня перед носом, непонятно кому угрожая. – Не волнуйся, я помню за нас обеих.

Я, напротив, заволновалась, поскольку предпочитала помнить за себя сама. Конечно, Владимир Викентьевич утверждал, что мы с Оленькой подруги, но этого совершенно недостаточно для того, чтобы верить всему, что она говорит.

– Я побежала, а то опоздаю.

Она звонко чмокнула меня в щеку и унеслась, на бегу еще раз пообещав, что мы вместе сделаем домашнее задание. Впрочем, я и без всяких ее обещаний была уверена, что мы еще сегодня увидимся.

Рабочее настроение улетучилось напрочь, и мысли перешли к фотографии ее брата, которого я сегодня увижу. Я вытащила карточку из книги и принялась разглядывать, пытаюсь поймать хотя бы тень тех чувств, что испытывала к лицу, изображенному на ней. А я наверняка испытывала, иначе не стала бы прятать фотографию в любимой книге. Если, конечно, ее прятала именно я. Нет, конечно, изображенная персона была хороша и я вполне могла влюбиться, но тогда тем более странно это навязчивое желание подруги нас свести. Так ничего и не надумав, я захлопнула томик и все-таки вернулась в библиотеку изучать «теорию магии», если так можно говорить об основах для детей.

Неожиданно я увлеклась. Весьма вероятно, сыграло свою роль то, что мне это казалось интереснейшей сказкой. Некоторые приемы хотелось проверить сразу. Очень хотелось. Останавливало только данное Владимиру Викентьевичу обещание не практиковать без него. Наверное, это единственно

правильный подход. Я пока даже не знаю, как буду расплачиваться за разнесенную комнату, в которой с утра побывал стекольщик и заменил разбитое стекло. И пока это были все восстановления.

Владимир Викентьевич пришел к обеду и сразу поднялся в библиотеку, где с огромным облегчением убедился, что я ничего больше не сожгла, а тихо-мирно изучала картинки в выданных книгах. К предложению Оленьки он отнесся с огромным энтузиазмом, проистекавшим, скорее всего, из размышлений, что скучающий необученный маг опасен не только для себя, но и для окружающих, а также для жилья этих самых окружающих. Также он заявил, что с его стороны нет никаких возражений против посещения мной занятий в гимназии, если я поберегусь от физических нагрузок. Они пока для меня точно лишние.

Не успел он опять уйти в лечебницу, как появилась Оленька, жаждущая помочь разобраться со сложной гимназической программой, для чего ею были принесены учебники, о потере которых я столь непредусмотрительно сообщила утром.

– Мы решили скинуться всем классом, – гордо заявила она, вручая мне стопку перевязанных ремешком книг. – Даже на тетради хватило. И дневник.

– Спасибо, – выдавила я, осознав масштабы приближающейся катастрофы.

Такая огромная стопка – и все придется учить? Но я со-

всем ничего не помню! Как бы не посчитали уровень моих знаний достаточным только для первого класса. Ведь нигде не сказано, что гимназия обязана отрабатывать плату за обучение в конкретном классе.

– Начнем с самого сложного – математики, – решительно объявила Оленька, положив конец моей панике. – У меня самой с ней не очень хорошо, так что, если не справимся, девочки вечером помогут.

Выяснилось, что с математикой плохо только у Оленьки, у меня, напротив, хорошо. Правда, создавалось впечатление, что я вспоминаю что-то давно забытое, знания всплывали, словно пузыри воздуха на болоте, медленно и неохотно. Но, главное, всплывали. Я приободрилась. И совершенно напрасно, поскольку, когда речь дошла до истории, всплывать ничего не захотело. Вот совершенно. Казалось, все эти имена и даты вижу впервые, хотя подруга говорила, что историю я знала на отлично.

– Не переживай, – оптимистично заявила Оленька, переписывая решенные мной задачи в свою тетрадь. – Еще вспомнишь. Если уж математику вспомнила, то историю – само собой. В самом плохом случае выучишь нужное до экзамена.

– До экзамена?

– Разумеется. Мы же каждый год сдаем, летом, – широко раскрыла глаза Оленька в ответ на мое удивление. – Хорошо, что этот год последний. В гимназии, конечно.

Она гибко потянулась и потрясла перед собой измазанными в чернилах пальцами. Ручку мы заправляли вместе, поскольку этот навык я утратила точно так же, как и знания по истории, и теперь мы обе красовались синими пятнами в самых неожиданных местах. Так, с кончика носа пятно мне удалось удалить только после многократного намыливания и трения, и то легкая голубизна все равно осталась. Я огорченно потерла нос, что сразу же отметила Оленька и сказала, что голубой цвет мне всегда шел, после чего гнусно захихикала. Такой смех спускать я не собиралась.

– Думаешь, я твоему брату больше понравлюсь с синим носом? – провокационно спросила я. – Поэтому меня и измазала?

– Я? Да ты сама перемазалась, словно никогда ручку в руках не держала, – возмутилась Оленька. – Еще и меня перемазала.

Все же странная у меня амнезия: что-то вспоминалось легко и просто, а что-то казалось совершенно чуждым, незнакомым, хотя окружающие были уверены, что уж это я должна была знать с раннего детства. Взять ту же ручку: я понятия не имела, как к ней подойти, пока подруга не показала. Да и когда показала, создалось впечатление, что я поняла, а не вспомнила, как это было с математикой.

– Кстати, о моем брате... – спохватилась Оленька. – Он уже должен был подъехать. А мы сидим, время тянем. Он же разозлится. – Она чуть поежилась, из чего я заключила,

что хояк в гневе – страшный зверь, во всяком случае для сородичей. – Собираемся и выходим. А то подождет и уедет без нас.

Она подхватила, сгребла свои тетради и потянула меня на выход. Что-что, а делать что-то неторопливо и размеренно Оленька не умела. Тормошила она и меня до тех пор, пока я не сдалась, натянула пальто и побежала с ней. Все-таки Владимир Викентьевич прекрасный целитель: еще вчера я с трудом ходила, а сегодня, казалось, даже танцевать смогу. Танцевать? Я на миг задумалась: а смогу ли? Я понятия не имею, умею ли танцевать.

Удивительно, но у ворот целительского дома действительно стоял автомобиль, весьма неожиданный с учетом того, что до этого я видела только экипажи с впряженными в них лошадьми. Впрочем, колеса у него скорее подходили как раз какой-нибудь пролетке, чем солидному тяжелому лимузину. Возможно, из-за них и легкого брезентового верха машина выглядела не слишком серьезно, хотя блестящие черные бокка и красные, явно кожаные сиденья намекали, что модель совсем не бюджетная. Возле автомобиля, восхищенно разинув рот, крутилась парочка мальчишек, и отгонять их было некому, поскольку за рулем никто не сидел. Брат Оленьки обещание выполнил, машину пригнал, а сам исчез.

– И где он? – возмущенно спросила подруга, притопнула нетерпеливо ногой, повертела головой вправо-влево и командовала: – Стой здесь. – После чего целеустремленно по-

топала в одном её известном направлении.

А я осталась в компании мальчишек, и мне почти так же, как им, хотелось провести пальцем по гладкому полированному боку, потрогать на капоте фигурку льва, стоящего на задних лапах, грива которого казалась развевающейся от сильного встречного ветра. Впрочем, вряд ли этот раритет способен на высокие скорости, которые так любит Светка. Светка?..

– Нравится автомобиль? – сбил меня с мысли незнакомый голос.

– Нравится, – согласилась я. – Я вообще люблю древние автомобили.

Подошедший офицер был блестящ ничуть не менее этого транспортного средства. Особенно в районе сапог. При желании, смотрясь в них, можно было бриться, чем мой собеседник наверняка не пренебрегал. Впрочем, вполне возможно, что по молодости у него просто ничего не росло на лице. Или росло, но неопрятными клочками. У блондинов небритость вообще плохо заметна. Хотя конкретно этого при должном воображении можно было назвать и рыжим. Правда, я его особенно разглядывать не стала. Убедилась, что это точно не Юрий Волков, и отвернулась. Не было у меня желания заводить новые знакомства, здесь бы со старыми разобраться.

– С чего это он древний? – возмутился подошедший. – Эта модель только в прошлом году начала выпускаться.

Наверное, это друг Юрия. Иначе с чего бы ему так пере-

живать за чужую машину? Но обида была искренней и требовала хоть какой-то реакции с моей стороны.

– Извините, я совершенно не разбираюсь, – примиряюще сказала я. – Но она очень красивая. Вся такая блестящая...

– Блестящая, – передразнил он меня, – что бы вы понимали. Там четырехступенчатая коробка передач.

– Оу, – неопределенно протянула я, не зная, насколько это должно было меня впечатлить.

Сделала я это совершенно зря, поскольку юноша посчитал это авансом и разразился восторженной речью по поводу особенностей современных автомобилей, из которой единственное, что я поняла: четырехступенчатая коробка – предмет гордости владельца и зависти тех, кому такого счастья не досталось. Ни Оленьки, ни Юрия пока не было, поэтому пришлось делать вид, что выслушиваю лекцию, и периодически восхищенно округлять глаза, поскольку от меня даже междометий не требовалось. На самом деле мыслями я была весьма далека от отечественного автомобилестроения. Я ужасно нервничала перед встречей с братом Оленьки, с которым у меня что-то было. Или не было. В любом случае я ничего не помнила и не знала, как правильно себя вести. Почему-то казалось, что если что-то было, то он непременно бы пришел. Или все дело в том, что я ничего и никого не помню, о чем его известила сестра?

– Болтаете? – радостно спросила подошедшая Оленька. – Николай, как тебе не стыдно заставлять нас ждать. Лизонька

еще плохо себя чувствует.

Она взяла меня под руку и сурово посмотрела на... брата? Господи, и почему я решила, что тот брат, что за мной придет, – именно Юрий Волков? Там же в семье из Волковых только один сын. Остальные – Хомяковы, и их куда больше.

– Я отошел только за газетой, – начал оправдываться Николай, похлопал ею, сложенной в трубочку, по голенищу, не иначе как в знак доказательства своих слов, и сразу перешел в нападение: – А тебя мы уже ждем намного дольше.

Как-то так перешел, что я сразу заподозрила, что Оленька на самом деле никуда не отходила, а подглядывала из-за угла, надеясь, что мы с ее братом скорее найдем общий язык в ее отсутствие. На подругу я посмотрела с суровым укором, но она ничуть не смутилась.

– Можно подумать, ты скучал, – фыркнула она. – Поди, надоедал Лизе рассказом о своем замечательном приобретении.

– Она неудовольствия не выражала.

– Разумеется. Лиза – воспитанная девушка, – припечатала Оленька. – И ты этим подло воспользовался, поскольку дома тебя никто уже слышать не может.

– Я развлекал твою подругу в то время, как ты шлялась неизвестно где, – возразил Николай. – И вместо извинений и благодарностей с твоей стороны вижу неоправданные нападки.

Вид при этом он принял необычайно страдальческий,

словно с его стороны было огромной жертвой посвятить меня в тонкости различий между коробками передач.

– Почему это неоправданные?

– Потому что, – отрезал он. – И вообще, ради помощи тебе я отложил свои дела. Важные, между прочим.

– Право слово, не стоило, – вмешалась я. – Уверена, мы с Оленькой прекрасно дойдем сами, как я ей и предлагала. – Более того, я уверена, что за то время, что ругаются брат с сестрой, мы бы уже дошли до их дома. – Извините, Николай, за беспокойство.

Я потянула подругу за рукав, но она словно выросла в мостовую.

– Он нас пообещал довести, – уперлась она. – И что теперь? Скажут, что Хомяковы не держат слово?

– Хомяковы слово держат, – Николай зло распахнул дверцу рядом с передним сиденьем. – Прошу вас, Лиза.

Последнее он почти прорычал, словно лев в прерии, я испуганно метнулась в машину и, уже когда села, поняла, что лучше было бы устроиться сзади, рядом с Олей. Но, как выяснилось, ее брат усаживать вообще не собирался: лихо запрыгнул на кресло водителя и тронул с места, ехидно бросив сестре:

– Я обещал довести твою подругу, а не тебя.

Машина покатила не слишком быстро, но все же недостаточно медленно, чтобы Оленька могла нас догнать, не срываясь на бег. Впрочем, она и не попыталась, а физиономия у

нее была не сказать чтобы разочарованная, и это сразу навело на мысль, что в этом и заключался тайный Олечкин план по увлечению ее брата и меня друг другом. Действовать в соответствии с ним я не собиралась.

– Николай, немедленно остановитесь, – потребовала я.

– Я обещал вас довезти и довезу, – буркнул он, не поворачиваясь.

– Если вы не остановитесь, я выпрыгну из машины.

– Вы мне показались довольно разумной особой, – укоризненно сказал он, и не подумав меня послушать. – Вы же можете переломаться. Или вообще свернуть шею.

Пришлось зайти с другой стороны:

– А вы не думаете, что меня компрометируете? Проедете еще пару метров – и ваша сестра заявит, что вы меня похитили и теперь обязаны жениться.

– Что? – Не иначе как от неожиданности он все-таки затормозил, и, обернувшись, я с облегчением увидела, что Оленька меня не бросила и сейчас быстро идет к нам, воинственно размахивая руками. – Кто меня может обязать жениться на подруге сестры?

– Кроме того, что я подруга сестры, я еще одинокая красивая девушка. Если вы не заметили, ваша сестра уже не маленькая девочка.

– Да? – поразился Николай.

– Да, – твердо ответила я.

Он повернулся и стал недоверчиво меня разглядывать.

Захотелось срочно поправить если не прическу, которая была весьма проста, то уж бант, увенчивающий косу, точно. Но я сдержалась и лишь вызывающе посмотрела. Если уж для его старшего брата я девушка, то для него и подавно. Впрочем, фотографию мне могли подарить и как восторженной подруге сестры. Как же плохо ничего не помнить!

– А ведь точно, Лиза, вы выросли, – заявил он с таким видом, словно намеревался сказать, что я себе безбожно льщу, и лишь в последний момент передумал. – И все-таки вы остаетесь подругой моей сестры.

– Кому это когда мешало, – возразила я. – Для Ольги это будет еще и дополнительным аргументом.

– Точно! – Николай неожиданно расхохотался, хлопнув руками по рулю. – А я-то думал, почему она...

– Почему она что? – подозрительно уточнила я.

Впрочем, я и без того догадывалась, что обработка идет по обоим фронтам.

– Неважно, – небрежно бросил он, с новым интересом меня разглядывая.

Я поняла, что неправильно выбрала направление разговора: если раньше он ко мне относился как к досадной навязываемой помехе, то сейчас начал воспринимать в новом качестве, чего как раз и добивалась Оленька. Как же непросто с этими Хомяковыми!

Подошедшая подруга набросилась на брата с упреками. Но чем она была раздосадована – тем, что уехали без нее, или

тем, что все-таки дождались, – было весьма сложно понять. Но насторожилась я только тогда, когда Николай объявил, что в знак извинения готов посвятить этот вечер нам, отложив запланированные дела. Почему-то мне сразу вспомнилось Оленькино утверждение, что Хомяковы всегда добиваются того, чего хотят. Встал весьма актуальный вопрос: как сделать так, чтобы желания разных Хомяковых друг друга уравновесили и я вышла из этой неприятной ситуации без потерь?

Глава 6

Почему-то я ожидала встретить у Хомяковых весь класс и внутренне уже готовилась к валу вопросов, на которые у меня ответов не было и быть не могло. Но Оленька предусмотрительно ограничилась только двумя девушками: Анной Строговой, о которой она уже говорила, упоминая об аппетите и размерах, и Тамарой Яцкевич, которая на фоне одноклассницы совершенно терялась, поскольку была миниатюрна, бледна и светловолоса. Зато красок Строговой хватило бы на них обеих: яркая брюнетка, которая не нуждалась ни в каких косметических ухищрениях. Впрочем, даже не будь она столь яркой, вряд ли осталась бы незамеченной, ибо Олечка, когда ее описывала, несколько преуменьшила габариты. Подозреваю, не из вежливости, а из-за того, что Олечкины руки просто не могли растянуться на нужную длину. К такой гимназистке не обратишься ласково Анечка, только Анна, да и то к имени непременно хотелось прибавить отчество.

– Ты совсем ничего не помнишь? – глубоким грудным голосом участливо спрашивала она.

– Не совсем, – ответила за меня Оленька. – Цифры и буквы помнит, читать может и считать тоже. Представляете, Ли-за сегодня математику решила минут за десять.

– Не может быть! – пискнула Тамара.

– Может-может, – важно подтвердила Оленька. – Но вот по истории не помнит совершенно ничего. Даже чем знаменит Олег Второй.

На меня так посмотрели, что я сочла нужным оправдаться:

– Я и вас никого не помню.

– И меня тоже? – удивился Николай.

От своих слов отказываться он не стал и, привезя нас с Оленькой в дом Хомяковых, никуда не ушел, притворившись, что ожидающаяся нас игра в лото – необычайно привлекательное времяпрепровождение. Не слишком хорошо притворялся, поскольку временами в его словах и движениях проскальзывала снисходительность, характерная для взрослых, когда они общаются с малышами. Из малышей пока были только мы, поскольку из его семьи никто к нам не выходил, даже Юрий, и я сидела как на иголках в ожидании встречи, неизвестно насколько приятной.

– А чем вы лучше Олега Второго? Если уж я забыла столь выдающуюся личность, то сам Бог велел забыть менее значительные.

– Какой бог? – деловито уточнила Анна. – Может, если правильно к нему обратиться, согласится вернуть память?

Теперь уже пришла моя очередь удивленно тарашиться. Я так и не уточнила у Владимира Викентьевича, что он имел в виду, говоря «боги», и теперь по всему выходило, что богов тут несколько, как минимум два. А если к ним еще и пра-

вильно обращаться, то они могут выполнить просьбу.

– Это образное выражение, – пояснила я. – Целитель, которого приглашал Владимир Викентьевич для консультации, сказал, что память вернуть невозможно и вообще у меня полностью стерта личность, а значит, я никого из прежней жизни не вспомню.

– Какой ужас. – Впечатлительная Тамара шмыгнула носом.

– Но математику же ты вспомнила? – В отличие от одноклассницы, Анна не страдала, а пыталась найти решение. – Возможно, вспомнишь и остальное?

– Пока я вспомнила только математику. А так... Я даже не помню, что как устроено. Поэтому наверняка буду говорить и делать глупости.

– Ой, да кто их не делает. – Оленька легкомысленно махнула рукой и хихикнула. – Я вон все помню, но глупости мне это не мешает делать.

– Это точно, – чуть покровительственно подтвердил Николай. – Но то, что не помните, можно выучить заново. Главное – живы остались, остальное нарастет.

– Именно, – подтвердила Анна. – Просто нужно точно выяснить, чего ты не помнишь, и постараться с этим разобраться побыстрее.

– Проще выяснить то, что помню. Я же совершенно ничего не помню. Даже то, что Оля – моя подруга, мне сообщил Владимир Викентьевич. И что у вас семья оборотней – тоже.

Признаться, мне до сих пор в это не верится.

– Во что? – спросил Николай.

– В существование оборотней.

– Так вот же мы! – удивленно всплеснула руками Оленька.

– Самые настоящие, – подтвердил Николай.

– Выглядите вы как самые обычные люди, – пояснила я. –

Но оборотни, они же должны превращаться в зверей?

– Мы и превращаемся, – несколько недоуменно ответил

Николай. – Что тут странного, Лиза?

– Все странное. У меня в голове не укладывается, как это вообще происходит. Вот вы, Николай, можете показать?

По установившейся после моих слов тишине и легкому румянцу смущения на лице брата Оленьки я поняла, что спросила что-то не то. Что-то неприличное для обсуждения в обществе. Но если сама тема не под запретом, то что такого я сказала? Мне действительно было совершенно непонятно, как из высокого широкоплечего молодого офицера получается маленький пушистый шерстяной комочек. Не может такого быть, и все!

– Ой, – наконец отмерла Оленька, чему-то необычайно обрадовавшаяся. – Ты хочешь увидеть его Зверя?

Зверя? Это она так сейчас про хомячка? Хомячков я видела. Кажется, у меня даже была парочка в детстве, но я сейчас ни в чем не уверена. Да и хотелось мне совсем не этого.

– Я хочу увидеть, как вообще проходит превращение, – несколько растерянно ответила я. – Но, кажется, я что-то не

то хочу.

– Не то – это мягко сказано, – хмыкнула Анна. – Все знают, что оборотню, чтобы превратиться, нужно полностью раздеться. Поэтому такие слова, как твои, это...

Она замялась, не решаясь сказать что-то вроде «приглашение к более тесному общению», но я и без того поняла.

– Почти объяснение в любви, – жизнерадостно закончила за нее Оленька. – Просьба показать Зверя – это очень личная просьба, понимаешь?

– Теперь понимаю. Извините, Николай, я ничего такого не хотела, – окончательно испугалась я.

А то действительно покажут хомячка, а потом выяснится, что я теперь обязана что-нибудь их семейству в ответ. Нет уж, лучше пока обойтись без столь ценного знания. В крайнем случае, если любопытство никуда не денется и будет меня глотать изнутри, в книжках у Владимира Викентьевича что-нибудь да найдется для его удовлетворения. Возможно, даже в тех, что предназначены для малышей. Наверняка не у одной меня возникает такой вопрос.

– Ничего страшного, – ответил Николай, уже полностью пришедший в себя после моего неприличного предложения. – Поначалу я действительно удивился, но...

– Я просто ничего, совсем ничего не знаю об оборотнях. Но теперь поняла, что про вторую половину личности лучше ничего не спрашивать. Что еще мне надо знать?

– Про оборотней или вообще? – уточнила Анна.

У этой девушки подход был весьма деловой, что радовало. Она не разменивалась на сострадание и сожаления, а сразу прикидывала, что можно сделать и как это сделать наилучшим образом. Пожалуй, я поняла, почему именно ее пригласила сегодня Оленька.

– Вообще. Я даже не знаю, как к кому обращаться или что сколько стоит. Так что чем больше вы мне подсказываете, тем лучше. – Я постаралась улыбнуться, хотя мне было совсем невесело.

– Мы подскажем, – робко бросила Тамара.

– Конечно, подскажем, – согласилась Анна. Сурово так согласилась, что захотелось вытянуться в струнку и сказать: «Так точно, командир». Даже Хомяков подобрался. Впрочем, он-то как раз мог просто придвинуться, чтобы ничего не пропустить. – А пока поменьше болтай, чтобы не попасть опять в такую же ситуацию. С оборотнями вообще сложно. Хорошо, что их мало.

– Мало? – удивилась я. – Я думала...

– Мало, – подтвердила Оленька. – В нашем классе только я.

– Мало, – добавил Николай. – В нашем городе хорошо если пара десятков наберется.

Выражение, с которым он произносил эту фразу, ни с чем не спутать – законная гордость происхождением. Конечно, я поняла, что оборотни тут на особом счету, но гордиться тем, что ты хомяк?!

– Рысьины и Хомяковы? – невольно съязвила я.

– О нет, княгиня Рысьина или кто-нибудь из ее клана бывают тут редко. Так что в большинстве только Хомяковы, – гордо заявил представитель этого семейства.

Словно превращался не в маленького безобидного пушистого грызуна, а в огромного грозного хищника. Кстати, о хищниках...

– Владимир Викентьевич говорил, что у вас в семье один Волков, – удачно вставила я, понадеявшись, что наконец этот самый Волков появится и я перестану мучиться от неопределенности наших отношений. То есть с моей стороны там все определено и ничего нет, а со стороны молодого человека возможны варианты. И эти варианты хотелось бы прояснить как можно скорее.

– Да, Петя, но его сейчас нет.

Скрыть, что ответ поразил меня до глубины души, не сумела, невольно переспросив:

– Петя?

Тогда кто же такой Юрий? И почему я вообще решила, что он оборотень? Потому что посчитала: его фотографию подбросила Оленька в доказательство, что у меня с ее братом что-то было? Но теперь понятно, что она этого не делала.

– Папа сказал, пусть от него хотя бы имя достанется, если уж фамилию не передать, – притворно вздохнул Хомяков.

– Зато мама, наверное, была рада? – предположила я, попутно пытаясь сообразить, стоит ли у Оленьки спрашивать,

знает ли она того, кто на фотографии, или лучше пока оставить это в тайне.

– Там свои сложности, – вмешалась Оленька. – Я же тебе говорила, мамины родители не слишком обрадовались, когда мама за папу вышла.

– Думаю, это сейчас неважно, – резюмировала Строгова. – Николай, вы можете с нами больше не скучать.

– Что вы, Анна, мне совсем не скучно. – Еще бы: когда еще доведется побывать на бесплатном цирковом представлении? Наверное, я слишком выразительно посмотрела, потому что Николай добавил: – К тому же я наверняка смогу чем-то помочь.

– Лиза очень застенчивая, вы ее смущаете.

– Это раньше она была застенчивой, – заметил Николай. – А сейчас прямо другой человек.

– Действительно, – чуть нахмурилась Строгова. – Раньше Лиза непременно бы уже убежала и рыдала где-нибудь в коридоре у двери, требуя, чтобы ее немедленно выпустили.

Взгляд, полный подозрения, я сразу отбила фразой:

– Владимир Викентьевич тоже сказал, что у меня изменился характер и что, если бы он не был уверен, что моя аура на месте, посчитал бы меня другим человеком. – Я чуть повела плечами, показывая, что ничего не могу с этим поделать. – И по нему у меня тоже есть вопросы. Почему он со мной так возится? Мы же не родственники?

– Ой, я как раз это знаю, – обрадовалась Оленька. – Це-

литель Звягинцев принес клятву жизни твоему дедушке, который его спас. Теперь он волей-неволей обязан о тебе заботиться, потому что иначе клятва его убьет.

– Ох, – невольно испугалась я. – Так-таки убьет?

– Возможно, не убьет, но жизни не даст, – подтвердил Николай. – С клятвами надо быть поосторожней, особенно когда они подкрепляются магией и призывом к Сварогу.

К Сварогу? Это что-то из пантеона славянских богов? В этот раз я никак не выдала, что для меня это звучит достаточно странно. Но в разделе Боги сделала соответствующую пометочку.

– А я думала, что Владимир Викентьевич просто хороший человек.

– И это тоже. Думаю, он о тебе позаботился бы и безо всякой клятвы, – встала на защиту светлого целительского облика Оленька. – Мне кажется, он к твоей маме относился как к дочери, а ты для него была внучкой. Своих детей у него же нет.

– Почему?

Оленька только плечами пожала. В самом деле, вряд ли она настолько близка с Владимиром Викентьевичем, чтобы тот позволял залезать к себе в душу. А причина, по которой целитель не завел семью, наверняка была слишком личной.

– Не отвлекайтесь, мы сейчас решаем, как помочь Лизе, – сурово напомнила Строгова. – А для этого нужно сделать что?

– Что? – удивленно спросила Оленька.

– Выяснить, что она может вспомнить, а что нет, – предложил Николай.

– Именно, – поощрительно кивнула ему Анна.

И было в ее кивке нечто такое исконно женское, что я поневоле подумала, что сейчас она поощряет не столько его умственную деятельность, сколько самого Хомякова, как престижного оборотня, блестящего офицера и владельца современного автомобиля,двигающегося почти как черепаха с моторчиком, конечно, если ее поставить на ролики. Пожалуй, Оленькин брат не нуждался в сестринском пристраивании: он отлично пристроится сам при желании. Не факт, конечно, что, если он пристроится без Оленькиной помощи, это ее порадует: вон как недовольно смотрит на Анну.

Правда, сам Хомяков на поощрение не обратил ни малейшего внимания. И я его прекрасно понимала: если девушка командует еще до того, как ты пригласил ее в кино, дальше будет только хуже. Зато обратил внимание на меня, спросив, как мне нравится город. Я автоматически ответила, что видела пока очень мало, но то, что видела, мне очень нравится. И, лишь только заметив вытаращенные глаза девушек, поняла, что и спрашивал он, и отвечала я на немецком.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Николай, – уже можно сказать, что с немецким у Лизы хорошо.

– Особенно если учесть, что с немецким у Лизы как раз были проблемы, – заметила Оленька.

Дипломатично заметила, потому что Строгова сразу бухнула:

– Проблемы, скажешь тоже. Да она двух слов без ошибки связать не могла, а сейчас вон как бойко болтает, словно практиковалась несколько лет.

Я чуть было не ответила, что, естественно, практиковалась, потому что у нас были партнеры из Германии, но тут же сообразила, что у нас с мамой никаких партнеров быть не могло, потому что не было никакого предприятия, иначе не вставал бы вопрос, на что мне придется жить. Поэтому рот я не просто закрыла, а крепко сжала, решив подумать на досуге о всплывающих воспоминаниях, которые никак не могли принадлежать бедной сиротке-гимназистке.

– Такое бывает, – неожиданно тихо сказала Тамара. – Называется психологический зажим. Знания копились, но не использовались, потому что Лиза боялась неодобрения.

– Если бы она так отвечала, разве неодобрение было бы? – удивилась Оленька.

– У нас одобрение получить не так уж и просто, – возразила Анна.

А Николай ради разнообразия, не иначе, завел разговор на французском. Увы, в этот раз подсознание оказалось ко мне куда менее щедро: и слова подбирались с трудом, и вопросы понимались не сразу. Но главное – понимались. На этом подарки памяти закончились: по остальным предметам мои знания усиленно стремились к нулю. Разве что по гео-

графии временами удавалось попадать в точку, но в названиях стран и их столиц я совершенно неприлично плавала. Но это хоть не история, где даже нынешний год, 7409-й от Сотворения мира, мне казался неприлично огромным. Чтобы выучить все, что случилось за это время, нужно иметь голову куда больше, чем у меня, иначе все факты просто не влезут. Невольно я сказала это вслух.

– У нас же помещаются, – рассмеялась Оленька. – Значит, и у тебя поместятся.

– Главное – не лениться, – веско вставила свое слово Строгова. – Что там у нас осталось проверить?

– Магия и танцы, – бойко оттарабанила за меня Оленька. – С магией, Лиза, мы тебе не помощники. Но проверить стоит. Вот хотя бы...

Она огляделась, не иначе как в поисках чего-нибудь лишнего и нуждающегося в немедленном уничтожении.

– Я уже проверила, – испугалась я за целостность хомяковской гостиной. – Я тоже ничего не помню. Владимир Викентьевич мне помогает, но я пока только книги читаю.

– Тогда танцы, – легко согласилась Оленька. – Ты помнишь, как танцевать?

– Не знаю, не пробовала, – попыталась я отшутиться.

– Сейчас попробуешь, – пообещала Строгова. – Тамара?

Тамара послушно уселась за стоящий в уголке кабинетный рояль и бойко заиграла что-то явно танцевальное. Николай дожидаться приказа не стал, проявил инициативу и по-

дошел ко мне сам.

Наверное, это был самый большой позор в моей жизни. Худо-бедно вспомнились лишь движения вальса. Оленька недоумевала, как такое могло случиться, ведь я так любила танцевать. Анна предлагала закрыть глаза и отдаться музыке – мол, тело само вспомнит. Но тело если и вспомнило что-то само, то лишь то, как наступать партнерам на ноги, а это я и без него не забывала. Николай говорил, что я совсем неве-сомая и ничего страшного не случится, если я еще на нем потопчусь. Но вид при этом он имел настолько выразитель-ный, что я решила: танцев на сегодня достаточно, похоже, им придется обучаться заново, тем более что занятия все равно оплачены.

– Хуже было бы, забудь ты полностью немецкий, – утеша-ла меня Анна. – А танцы что? Можно прекрасно обойтись без них. В конце концов, не в танцах счастье.

По быстрому насмешливому Олечкиному взгляду я дога-далась, что у Строговой с танцами тоже непростые отноше-ния. Наверное, не столь непростые, как у меня, но все же...

По итогам проверки можно было сказать, что все не так уж и страшно. Во всяком случае, голова работает нормаль-но, а значит, все забытое можно будет просто выучить заново. И непременно танцы с этими ужасно непривычными на-званиями: па-де-спань, па-де-катр, краковяк, мазурка, поль-ка, – чтобы стереть ехидную усмешку с наглого хомяковско-го лица. В конце концов, может, все дело в нем и с другим

партнером у меня бы все получилось? С тем же Юрием, фамилия которого для меня теперь стала загадкой, требующей немедленного решения.

Глава 7

Вечером Владимир Викентьевич появился в компании незнакомого господина, одетого в костюм-тройку, ладно обтягивающий слегка грузную фигуру, и выглядящего настолько важно, что я подумала, что он должен быть как минимум генералом. Владимир Викентьевич представил его как коллегу, Шитова Константина Филипповича, который действительно оказался из военных. После чего целитель сообщил, смущенно опустив глаза, что разрешили захоронить мою маму, поскольку в полиции посчитали, что проделали с телом все, что нужно. Если он боялся, что я испытаю потрясение, то зря: родственные чувства у меня не появились, и слово «мать» не ассоциировались ровным счетом ни с кем. Я не помнила ее точно так же, как и остальных родственников. Это было неправильно, но увы – от меня ничего не зависело.

Моментом неловкости воспользовался Константин Филиппович, пришедший выяснить, не удастся ли вытянуть хоть что-то из моей памяти, поскольку расследование, в которое активно вовлекли военных, застопорилось и единственное действенное предположение было связано с работой мамы. Он сразу начал распоряжаться как у себя дома, а Владимир Викентьевич ему не препятствовал, хотя и был не слишком доволен командирскими замашками гостя. Расположились мы в библиотеке, а не в гостиной, хотя я уже успе-

ла испугаться, что меня сейчас отправят в подвал, как в наиболее экранированное помещение. Мало ли что полезет из глубин подсознания? Сон разума, как известно, рождает чудовищ, которых у меня по этой примете должно быть множество, и самых разных.

– Не могу обещать, Елизавета Дмитриевна, что не вытащу чего-нибудь личного, – сурово предупредил военный целитель растерявшуюся от его напора меня. – Но сделать это необходимо. Да, я читал заключения коллег о стершейся личности, но иногда даже в этом случае удается за что-то зацепиться.

– И тогда я смогу все вспомнить?

– Вряд ли. Я не всемогущ, – позволил он себе улыбку, холодную и совершенно не располагающую. – Если я что-то и вытащу, то на вашей памяти это, скорее всего, никак не отразится. Видите ли, грубо говоря, у вас сейчас разорвана часть связей, отвечающих за память. Теоретически связать можно, но, во-первых, сначала нужно найти второй конец обрыва, а во-вторых, это требует столько сил и времени, что вам все проще понять заново.

– Но что-то вы все равно хотите найти, Константин Филиппович.

– Только то, что касается безопасности Российской империи. И то я не буду восстанавливать ваши воспоминания, уж простите. Просто в них загляну, если получится.

Постороннему категорически не хотелось позволять ко-

паться в моей голове, особенно столь неприятному и ничего хорошего не обещающему.

– А не забуду ли я и того, что помню сейчас? Вдруг после вашего вмешательства я перестану даже членораздельно говорить?

Военный целитель возмущенно повернулся к Владимиру Викентьевичу:

– Какое невежество! Какое катастрофическое непонимание сути процесса!

– Елизавета Дмитриевна не помнит и куда более простых вещей. Константин Филиппович, напоминаю, у нее стирание личности. Собственно, надо радоваться, что она жива и нормальна.

– Относительно нормальна, поскольку все забыла.

– Не все, – оскорбилась я. – По-немецки я говорю даже лучше, чем раньше. Во всяком случае, мне так сказали.

– Неудивительно, – отрезал военный целитель. – Иногда после сильных магических ударов пострадавшие начинают говорить даже на тех языках, которых никогда не слышали. Может, вы и по-английски заговорили? Или по-испански?

– Не знаю, не пробовала, – бросила я, с неприязнью глядя на этого типа. – А еще какие умения получают пострадавшие? Вдруг я научилась играть на скрипке, а этого не знаю? Не попробовать ли?

– Елизавета Дмитриевна, у вас запустился сильный рост магического резерва, – напомнил Владимир Викентьевич,

успокаивающе положив мне руку на плечо. – Этого достаточно? И давайте прекратим спорить. Поверьте, даже глубокое сканирование такого специалиста вам не повредит, возможно, даже что-то упорядочит. Хуже не будет, я вам обещаю.

– Ну, раз вы обещаете, Владимир Викентьевич, – вздохнула я, поняв, что откладываяй не откладываяй – все равно не отвертеться, – тогда давайте покончим с этим как можно быстрее. Хотя я не думаю, что это чему-то поможет.

О том, что у меня время от времени всплывают странные воспоминания, я решила не говорить. Пусть уж этот тип определяет сам, какие у меня странности и с чем связаны.

– Зря не думаете. – Довольный Константин Филиппович потер руки и начал разминать пальцы, которые издавали неприятные сухие щелчки. – К слову, никакой Светланы среди ваших знакомых мы не обнаружили, следовательно, это имя упоминали напавшие на вас и вашу маму и было это настолько важно, что в вашей памяти оно все же зацепилось. А я сейчас посмотрю, не зацепилось ли еще что. Больно не будет, не волнуйтесь.

Больно действительно не было. Немного неприятно, немного щекотно. И ужасно интересно, что же он делает. Но, поскольку меня усадили в кресло, а Константин Филиппович встал строго позади и положил руки мне на голову прямо над ушами, увидеть мне ничего не удалось, только почувствовать слабое перемещение чего-то эфемерного внутри головы. Смешать, но не взбалтывать. Страшно предста-

вить, что будет с моей головой, если все там еще и взболтают. От осознания опасности я затихла, боясь шевельнуться.

– Вот и все, – с этими словами Константин Филиппович отнял руки от моей головы и ехидно уточнил: – И как, Елизавета Дмитриевна, можете членораздельно разговаривать?

Появилось ребяческое желание в ответ выдать бессвязное мычание, но тут ко мне склонился встревоженный Владимир Викентьевич, и я резко передумала шутить:

– Кажется, у меня все в порядке, Константин Филиппович. А как у вас? Удалось что-то найти?

– Увы, связи нарушены слишком серьезно. Я склонен согласиться с мнением коллег, что восстановить ничего не удастся. К сожалению. – Он развел руками, показывая, насколько удручен данным обстоятельством. – Мешанина у вас там изрядная, Елизавета Дмитриевна, но уже есть признаки упорядочивания. Головные боли не мучают?

– Нет, – несколько удивленно ответила я.

– А посторонние голоса не слышите?

– Тоже нет.

– Так я и думал. – Он важно покивал и бросил выразительный взгляд на Владимира Викентьевича.

– Хотелось бы услышать более развернутое мнение, – сказал тот.

– Все с вашей подопечной в порядке, вы совершенно напрасно беспокоитесь. Конечно, попытка убийства даром пройти не могла, но Елизавета Дмитриевна легко отделалась.

Сейчас просто нужно грамотно чередовать умственную нагрузку и отдых и обязательно добавить физическую нагрузку.

– Но у нее продолжает расти уровень...

– И это замечательно. Глядишь, еще собственного деда превзойдете, да, Елизавета Дмитриевна? – неожиданно подмигнул он мне.

– Я его не помню.

– Зато мы помним. Сильнейший целитель был, гений медицины. Кстати, что вы собираетесь делать дальше? – неожиданно спросил он. – Уровень магии у вас уже приличный, и рост останавливаться не собирается. Не хотите к нам?

– К вам?

– К нам, штатным армейским целителям. Уверен, целевую стипендию вам выьем. Продолжите династию.

– А вас не беспокоит, что у меня не все в порядке с головой? – удивилась я.

– Полноте, барышня, с головой у вас все в порядке. – Константин Филиппович вальяжно махнул рукой. – У вас проблемы с памятью, но не такие, которые помешают вам жить и учиться. Рассуждаете вы здраво, акцентируете внимание на нужном. Думаю, с обучением у вас проблем не возникнет.

– Мне бы сначала гимназию окончить, – напомнила я. – Пока, похоже, там ожидаются сплошные проблемы. И как работать с магией, я совсем не помню. Я уже сожгла комнату Владимиру Викентьевичу.

– Только одну? Да он везунчик, – поцокал языком Константин Филиппович. – Заполучить необученного сильного мага и никак не обезопаситься?

– Я не ожидал, что Елизавета Дмитриевна ночью начнет экспериментировать, – попытался оправдаться Владимир Викентьевич. – Естественно, дополнительную защиту не поставил. Но мы уже контроль отработали, так что больше проблем не будет.

– Точно не будет? – нехорошо усмехнулся Константин Филиппович. – Ну-ка, барышня, повторить сможете?

И его руки медленно нарисовали в воздухе совсем простенький значок, похожий на бабочку, как ее изображают малыши: схематичную, но узнаваемую. Я покосилась на Владимира Викентьевича, тот неохотно кивнул. Видно было, что за библиотеку целитель беспокоится, но не хочет это беспокойство показывать коллеге. Но я почему-то была уверена, что у меня все получится. Несколько неуверенных движений – и тоненький ручеек силы, почти по капельке, запитал рисунок, который мягко истаял в воздухе, подарив чувство бодрости.

– Хм... А вы точно, Елизавета Дмитриевна, не помнили, как работать с магией? Для непомнящей у вас слишком легко получилось.

– Возможно, память тела? – неуверенно предположила я. Если уж она меня с танцами подвела, то могла расщедриться на что-либо иное.

– То есть у вас было чувство, что вы вспоминаете давно

забытое?

Я помотала головой:

– У меня было чувство, что я это упражнение делаю впервые, но оно мне не показалось сложным.

– Так-то да, несложное, – неохотно признал Константин Филиппович. – Но только для тех, у кого проблем с контролем нет. У вас нет, я вижу. Остальное доберете. Это плетение вам, несомненно, пригодится. Оно помогает концентрироваться при запоминании большого количества информации. Что ж... – Он выудил из нагрудного кармана часы, явно серебряные, на толстой витой цепочке, раскрыл и решительно сказал: – Пожалуй, подзадержался я у вас, пора и честь знать.

Он торопливо распрощался, а выглянув в окно, я увидела, что его дождался автомобиль, не такой блестящий, как у Хомякова, но тоже со львом на капоте. Сам за руль Константин Филиппович не сел, ему с поклоном открыл дверцу заднего сиденья шофер, поведение которого говорило о важности пассажира. Поди, и поедут медленно, чтобы не дай бог – или боги? – не растрясло значимую персону. Но разве интересно медленно ездить? Почему-то подумалось, что было бы здорово устроить гонки. Хотя бы с Хомяковым, у него точно есть автомобиль. Уверена, я бы выиграла. Только разрешены ли они? И вообще, у меня-то автомобиля пока нет, Шитов вряд ли даст свой для таких сомнительных целей, а на пути получения собственной машины возможны неопределенные

сложности. Во-первых, она наверняка стоит очень дорого, а во-вторых...

– Интересуетесь автомобилями, Елизавета Дмитриевна?

– Думаю, насколько сложно получить водительские права,

Владимир Викентьевич.

– Водительские права? Это что?

Я удивленно повернулась:

– А что, управлять автомобилем может любой? Этому не надо обучаться?

– Обучаться надо всему, но я не слышал, чтобы у водителей были какие-то особые права, – проворчал Владимир Викентьевич.

– Особых прав и не должно быть, скорее, обязанности, – ответила я, недоумевая, откуда у меня вообще возникла высказанная мысль. – Любое транспортное средство представляет опасность.

– Опасность может представлять что угодно. Особенно недоученный маг.

Намек в его словах был достаточно явным для того, чтобы я наконец оторвалась от наблюдения за почти скрывшейся машиной и занялась тем, чему мы и планировали посвятить этот вечер, – магией. А именно: отработкой самых простых приемов. Но простые-то они простые, а вымотали меня так, что я еле доползла до кровати и провалилась в сон, едва успев раздеться и подумав, что срочно нужно выучить плетение, позволяющее быстро восстанавливаться.

Разумеется, в гимназию на следующее утро я не пошла. Похороны организовывала контора, в которой работала мама. Я так и не узнала ее названия, даже на табличку не посмотрела, когда мы приехали туда с Владимиром Викентьевичем. Впрочем, не так это и важно.

Людей было много. В глазах рябило от обилия незнакомых лиц, пришедших попрощаться с умершей. Из родственников была только я. Странно, но я так и не спросила у Владимира Викентьевича, есть ли у меня кто-то со стороны мамы. Как-то само собой подразумевалось, что если позаботиться обо мне могли только Рысьины, то, значит, Седых не осталось. Но сейчас было не время уточнять. Ко мне подходили со словами соболезнования, пустыми и бессмысленными перед лицом смерти. Атмосфера была настолько давящей, что голова закружилась, и я ухватилась за Владимира Викентьевича, чтобы не упасть.

– Елизавета Дмитриевна, вам нехорошо? – обеспокоенно спросил он и почти тут же положил свою руку на мою, используя целительское плетение. – Почему вы не сказали раньше?

Стало легче, но ненадолго, потому что подошел важный военный и забасил, что они сочувствуют моему горю, и не просто сочувствуют, а непременно все расследуют и отомстят.

– Ваше высокоблагородие, месть – дело хорошее, – заметил Владимир Викентьевич, – но вы бы лучше подумали, как

помочь сироте.

– Да, я слышал, что Рысьины от Елизаветы Дмитриевны отказались, – чуть поморщился тот от разговора, явно ему неприятного. – Смотрю, и здесь от них никого? Некрасиво с их стороны, ох как некрасиво.

Он покачал головой, этак укоризненно покачал, изящно уйдя с темы помощи сироте на тему ее неблагородных родственников. Но радовался своему изяществу он зря: Владимира Викентьевича отвлечь было не так-то просто.

– Совершенно с вами согласен, ваше высокоблагородие. Но вернемся к вопросу помощи Елизавете Дмитриевне. Все же убийство ее матери напрямую связано с вашей работой.

– Да с чего вы это взяли, Владимир Викентьевич? – раздраженно бросил военный. – При всем уважении к сыскному отделу полиции, предложенная ими гипотеза – совершеннейшая чушь. Чушь и нелепица. Ольга Станиславовна не выносила никаких артефактов с работы, уверяю вас. И потому, что доступа к чему-нибудь серьезному не имела, и потому, что у нас ничего не пропало.

– Так-таки ничего? – недоверчиво прищурился целитель. – К чему тогда вы вчера присылали к нам Шитова для проверки?

– Ничего серьезного, – поправился военный. – Поверьте, Владимир Викентьевич, ничего такого, из-за чего могли бы убить. И то, между нами говоря, – он понизил голос, – мне кажется, под это попросту пытаются списать проданное на

сторону. Проверки склада, знаете ли, у нас давно не было. Так что полиция наша не там копает. Возможно, это обычное ограбление.

– Ваше высокоблагородие, – укоризненно протянул Владимир Викентьевич, – какое ограбление? Там поработал маг не из слабых. Не могу сказать, что сильный маг на ограбление не пойдет, но на ограбление из-за пары дешевых артефактов не пойдет точно. А там даже украшения Ольги Станиславовны остались.

– Все?

– Приходящая служанка утверждает, что все. Что вообще ничего не пропало.

Его высокоблагородие, не привыкший к противоречиям, недовольно сжал губы.

– Возможно, она не обо всем знала, – недолго подумав, предположил он. – Не будут семейные ценности показывать кому попало. Покойная была вдовой Рысына, а они... О, смотрю, прислали все-таки представителя, – неожиданно бросил он. – Оппозиция к старшей ветви, конечно, но все-таки настоящий Рысин, не просто кто-то из клана. Проявили уважение к покойной.

Я проследила за его взглядом. Оказывается, в оборотни Юрия я определила правильно, ошиблась только с фамилией. И с чего я взяла, что Юрий – Волков? Ах да, с того, что посчитала, что фотография была подброшена Оленькой. Вживую офицер был еще красивее, чем на фотографии, ко-

торая никак не могла передать хищной грации оригинала. Создавалось впечатление, что безупречность собственного облика стоит у Юрия на первом месте: ни одной лишней складочки, ни одной выбившейся волосинки, строго симметричные аккуратные усы. Даже траурная повязка на рукаве была идеальной. Пожалуй, желание засыпать с фотографией столь выдающегося офицера было вполне понятным, там даже могло появиться желание засыпать с ним самим. Не уверена, что было и первое, и очень надеюсь, что второе обошло меня стороной.

– Елизавета Дмитриевна, какая потеря для всех нас, – с точно выверенной долей печали в голосе сказал Юрий, явно думая больше о том, какое впечатление производит. – Это так неожиданно и так ужасно. Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Глава 8

Юрий был с нами до конца всех траурных мероприятий. Именно с нами: от меня он не отходил ни на шаг, всячески подчеркивая, что мы друг другу не чужие люди. С одной стороны, это было действительно так: как ни крути, одна его фамилия намекала, что он мне кем-то приходится. С другой стороны, я всей кожей чувствовала, что ему что-то от меня нужно. Именно от меня, а не просто показать окружающим, что не все Рысины поддерживают политику партии, то есть решения Фаины Алексеевны. Шло от него какое-то горячее, злое, голодное нетерпение. Но вида я не подавала, была с ним отстраненно холодна, если вообще отвечала на вопросы. Все же похороны близкого человека к светским беседам не располагают, пусть даже для меня они были простой формальностью.

Навязавшись в дом к Владимиру Викентьевичу, Юрий не стал ходить вокруг да около, сразу заявил, что ему необходимо побеседовать со мной наедине, по-родственному. Целитель едва заметно скептически хмыкнул, но все же сказал, что оставит нас ненадолго, чтобы мы обсудили нужное без помех. Юрий расслабился, что не помешало ему намагичить еле заметный синеватый купол вокруг нас. Я не видела, чтобы он создавал плетение, значит, либо делает он это слишком быстро, незаметно для моего глаза, либо... использует

какое-то устройство? Обдумать я это не успела, потому что Юрий склонился ко мне и жарко прошептал:

– Лизонька, я понимаю, что у тебя есть основания на меня обижаться, но я только сегодня приехал в Ильинск и сразу, как узнал, бросился к тебе.

Со стороны наверняка бы показалось, что он шепчет слова утешения, уж больно скорбным выражением лица они сопровождалась, но вот сам тон, мягкий, намекающий на существующие доверительные отношения, был призван меня очаровать, если я до сих пор не очарована.

– Я все равно ничего не помню. Если у меня и есть основания на вас обижаться, то я о них благополучно забыла, – холодно ответила я, отстраняясь от него.

– Мне показалось, ты меня узнала... – чуть настороженно сказал Юрий.

– Я нашла вашу фотографию в книге. Поэтому да, ваше лицо было мне знакомо, но и только.

– Вот как? И ты совсем ничего не помнишь?

– Совсем. И, предваряя возможные вопросы, целители говорят, что у меня стирание личности, а значит, я не вспомню вообще ничего. Вы мне совершенно посторонний человек, Юрий, к сожалению, не знаю, как вас по батюшке.

Сказала и тут же подумала, можно ли говорить об оборотне «человек». Да, конечно, он выглядит в точности как Homo Sapiens, но только в одной ипостаси, а вдруг вторая считает такое обращение оскорбительным? Мало ли каких тонко-

стей про оборотней я не помню. Вдруг я опять нарушила серьезный запрет? Но Юрий не оскорбился, сделал вид, что не заметил намек про отчество, и вздохнул. Глубоко, протяжно, красиво.

– Это ужасно. К сожалению, я не в силах отменить решение княгини и вернуть тебе поддержку клана...

– И не нужно, обойдусь без Рысыных.

– И без меня?

– И без вас. Если нас что-то связывало, то теперь вы можете быть свободны от всех обязательств.

– Лиза, – укоризненно протянул он, – если ты забыла, то я нет. И я никак не могу считать себя свободным от обязательств.

Я с интересом повернулась к нему. С этим фарсом надо было заканчивать, и чем скорее – тем лучше. И самый действенный способ – напугать кавалера так, чтобы он сбежал сам и без всякого желания появиться в ближайшее время.

– И какие же у вас передо мной обязательства? Неужели жениться? Действительно, почему нет? В сложившейся ситуации это самая действенная помощь несчастной девушке, оставшейся без всякой поддержки.

Во взгляд я вложила весь свой актерский талант. Надеюсь, получилось достаточно убедительно. Замуж я бы за него не пошла ни за что. Разве что под страхом смерти. Но Юрий-то этого не знал, он считал себя завидным женихом и сейчас явно растерялся, не понимая, как выпутаться из столь ще-

котливого положения, по возможности не оттолкнув меня.

– Лиза, в сложившейся ситуации это было бы крайне неблагоприятно. Фаина Алексеевна никогда бы мне это не простила.

– И чем бы вам грозило ее непощение? Она очень страшно ругается?

– Если бы только ругалась. Нет, Лиза, я понимаю, что ты забыла все, и все же так странно слышать от тебя такие слова. Минимум, что мне грозит, – это потеря клана. Княгиня не терпит, когда ей идут наперекор, а она ясно показала, что не желает, чтобы твое имя связывали с Рысьиными. Ты же не хочешь для меня такой судьбы?

– Кому-то придется жертвовать чем-то ради любви. Так почему не вам? Может, я оценю жертву и отвечу вам взаимностью?

Я пристально на него посмотрела. Он явно опешил.

– А ты изменилась. Стала жесткой. Даже жестокой.

– Юрий, а кто еще позаботится обо мне, как не я сама? – Я всплеснула руками. – Вы же сейчас даете понять, что в ваши планы это не входит. А больше у меня близких людей нет.

Для большей правдоподобности я бы даже пустила слезу, не будь мне так смешно. Кавалер явно не знал, как себя вести, ибо привычные подходы себя не оправдывали.

– Позаботиться можно и по-другому. Необязательно для этого жениться. Пока необязательно.

Он выразительно на меня посмотрел, намекая, что все мо-

жет измениться, и очень скоро.

– Действительно, почему бы двум любящим сердцам не прийти к компромиссу, – проворчала я. – Который бы полностью устраивал наиболее сильную сторону, так, Юрий?

– Лизонька, – заворковал он, так неожиданно для высокого красивого мужчины, привыкшего к интересу противоположного пола, которым наверняка беззастенчиво пользовался, – нам просто нужно немного подождать. Княгиня успокоится, или, возможно, ее место займет кто-то другой. – Слова мне показались намеком. Намеком на что-то, что я должна была знать и, возможно, знала раньше, но сейчас, увы, знать не знала. – К чему нам жениться немедленно и навлекать на себя горы проблем?

«Ага, значит, все-таки обещал жениться», – отстраненно подумала я. Интересно, что в ответ требовалось от меня? Юрий не выглядит безумно влюбленным, хотя доля заинтересованности присутствует, этого не отнять. Но возможно, эта доля заинтересованности присутствует у него при разговоре с любимыми особами женского пола, чувствующими себя при этом необычайно привлекательными и желанными.

– Будь у тебя хотя бы магия посильнее или способность к обороту, – продолжал разливаться соловьем Юрий, – мне было бы куда проще получить согласие клана на наш брак. Но пока все против нас. Кроме того, ты очень молода и должна выдержать положенный траур.

Скорби в его голосе при упоминании о смерти моей ма-

мы не почувствовалось, а ведь у него точно нет проблем с памятью. Боюсь, теперь он помнит даже больше, чем было на самом деле. И будет это старательно внушать мне.

– Что вы от меня хотите, Юрий? – прямо спросила я. – Боюсь, брак не входит ни в мои, ни в ваши планы.

– Разве что в настоящее время. Лиза, я не собираюсь от тебя отказываться, – неожиданно серьезно ответил он. – Ты мне нужна. – Спрашивать для чего, было бессмысленно: правды все равно не скажет, наплетет кучу кружев, хоть лавку открывай. Так что я лишь недоверчиво хмыкнула. – Ужасно, что Ольга Станиславовна погибла. Ужасно, что ты ничего не помнишь, – в этот раз в его голосе прорезались живые чувства, – но для меня в отношении к тебе ничего не изменилось. И если нужно завоевывать тебя по-новому, значит, так и будет.

От слащавого хлыща ничего не осталось, напротив меня сидел жесткий, целеустремленный мужчина, более не при-
творяющийся дамским угодником. Хищник в засаде. И его целью сейчас была я. Точнее, что-то, что он может получить только от меня. Получается, потеря мной памяти этому не помеха? А возможно даже, что случившееся Юрию на руку. На не слишком щепетильную загребущую когтистую лапу. На что же она нацелена?

– Боюсь, вы напрасно потеряете время, – сухо заметила я. – Вы мне не нравитесь.

– Лизонька, это все преодолеваемо. – Он чуть приподнял

верхнюю губу. Наверное, это должно было символизировать улыбку, но я обратила внимание лишь на его зубы – белые, блестящие и наверняка необычайно острые. – Если тебе не нравятся Рысьины, возможно, тебе нравятся рыси?

Как хорошо, что я уже знала об этой ловушке. Подумаешь, недолго покраснела перед Хомяковыми, зато теперь могла небрежно бросить:

– Я вообще кошачьих не люблю. Наглые и ненадежные. А рыси еще и мелкие.

– Мелкие? Рыси мелкие?!

Показалось или аккуратно уложенные волосы начали приподниматься, пытаясь вздыбиться, усы распушились и встопорщились, а в голосе проклюнулись шипящие звуки? Надеюсь, он не будет обращаться и полосовать когтями меня прямо сейчас. Нервные они какие-то, эти Рысьины, и легко-возбудимые. Конкретно на этого, взбешенного до потери самоконтроля, я бы с удовольствием посмотрела. На расстоянии, разумеется. И послушала бы, что он скажет, пока себя не контролирует. Жаль, что он слишком быстро опомнился, даже шипеть перестал и этак задумчиво прищурился.

– Конечно. Куда мельче тигров, львов или гепардов, – с удовольствием выпалила я, надеясь на еще один всплеск возмущения.

– Зато более гибкие, ловкие и выносливые, – он лениво улыбнулся, давая понять, что укол в этот раз не достиг цели.

– И бегают медленнее.

– А, понял, – он расхохотался по-настоящему. – Это зависть. Знаешь, Лизонька, твой дедушка предполагал, что для оборота тебе не хватает характера. Княгиня с этим была не согласна. Так что продолжай наращивать зубки – и вдруг... Тогда Фаина Алексеевна непременно задумается, не вернуть ли тебя в клан.

– Спасибо, мне ваших Рысьиных и даром не надо. И вообще, Юрий, мне кажется, вы засиделись в гостях, пора и честь знать. Убирайте вот это вот. – Я помахала рукой, указывая на призрачное марево вокруг, и решила больше не миндальничать с этим типом: – И сами убирайтесь.

– Это вот – это ты про что, Лиза? – нехорошо прищурился он, напрочь игнорируя мои требования.

– Про купол явно магического происхождения. Не знаю, для чего он вам, но прошу убрать. В гостиной этого дома он лишний.

– Неужели ты его видишь? Не волнуйся, это неопасно. Только чтобы помешать Звягинцеву подслушать наш разговор.

– Владимир Викентьевич и без того не опустился бы до подслушивания.

– Лизонька, твою наивность извиняет только юный возраст. Имей в виду, Ольга Станиславовна никогда не доверяла Звягинцеву.

– Мне сейчас можно говорить все что угодно, правда, Юрий? – усмехнулась я. – Но знаете, похоже, после покуше-

ния у меня не только пропала память, но и уши уменьшились.

– Уши? – Он удивленно меня оглядел. – Лизонька, они в точности такие же, как и раньше: маленькие, аккуратные и очень красивые.

– А я уверена, что уменьшились. Теперь на них помещается намного меньше лапши.

– Какой лапши?

– Которую вы мне старательно навешиваете, Юрий.

Я притворилась, что что-то сбрасываю с ушей. Что-то, чего там скопилось уже очень много.

– А знаешь, Лизонька, такой ты мне нравишься больше, – неожиданно сказал он. – Только учти, что у Звягинцева опыта, как ты изящно выразилась, по развешиванию лапши на ушах куда больше. Не стоит ему доверять. Можешь пока не доверять даже мне, но прошу: внимательно отнесись к моим словам. Звягинцев держит сторону Фаины Алексеевны, а она по определению не твоя. Не говори ему лишнего.

– Спасибо за предупреждение, Юрий, но, боюсь, я понятия не имею, что лишнее, а что – нет. Убирайте купол.

Я не знала, насколько опасно проходить через призрачное мерцание, а то бы уже непременно ушла.

– Я надеюсь, наш разговор не станет достоянием третьих лиц. Это в твоих интересах, но, поскольку ты ничего не помнишь, считаю своим долгом попросить. – Купол пропал, и опять я не заметила никакого свечения на руках Юрия, одна

из которых, впрочем, незаметно опустилась в карман. Значит, все-таки устройство. – Возможно, Лизонька, что у тебя остались вещи, принадлежащие клану Рысьиных. Их следует вернуть, а то Фаина Алексеевна расстроится, а расстроенная Фаина Алексеевна – зрелище малоприятное, это и Владимир Викентьевич подтвердит.

– В сыскной полиции сказали, что преступники забрали все артефакты, – неожиданно сказал целитель. Надо же, а я и не заметила, когда он вошел... – Так что вряд ли у Елизаветы Дмитриевны есть вещи клана.

– Я просто предупредил, – лениво улыбнулся Юрий. – Я не призываю возвращать нам все.

Они обменялись неприязненными взглядами, и я сразу вспомнила, что мамин начальник говорил про Юрия, что он – оппозиция княгине. А Владимир Викентьевич, значит, в ее команде? Интересное дело, почему он тогда пошел против официальной позиции клана и приютил меня? И почему сейчас не выставляет из дома того, кого явно считает противником?

Появление Хомяковых прервало мои размышления. Действительно, попробуй тут размышлять, когда у тебя на шею повисает Оленька Хомякова и орошает слезами все, что только может закапать. Я опять испытала чувство вины из-за того, что не нахожу в себе ни малейших признаков горя из-за смерти мамы, в то время как моя подруга не только помнила, но и по-настоящему скорбела о ее смерти. «Боги

мои, как жалко Ольгу Станиславовну, – всхлипывала Оленька мне прямо в ухо. – Что же такое, почему столько несчастий на одну вашу семью?»

Николай остановился, не дойдя немного до меня, но смотрел на Юрия, неприязненно так смотрел. Впрочем, тот отнесся к пришедшему не с большей симпатией.

– Подпоручик Хомяков, не кажется ли вам, что сейчас неподходящее время для визитов? – высокомерно протянул Юрий.

– Моя сестра – близкая подруга Лизы, и она не могла не поддержать ее в такой тяжелый день, поручик Рысьин, – фамилию Николай выговорил с явной брезгливостью. – И вы совершенно правы, сейчас не время для праздных визитов, поэтому я не понимаю, что *вы* здесь делаете.

«Вы» он выделил голосом настолько выразительно, что местоимение показалось грубым оскорблением. И не только мне. Владимир Викентьевич нахмурился, Юрий нехорошо сощурился и прошипел:

– Если вы запомнили, я Лизин родственник.

– Если вы запомнили, то Лиза больше не принадлежит к клану Рысьиных.

– С этим решением согласны не все, подпоручик Хомяков. – В этот раз уже Юрий выдавил «Хомяков» так, словно уже сама фамилия была грязным ругательством. – Более того, Лиза все равно остается моей родственницей.

– Весьма дальней, поручик Рысьин.

– Ну так вам она и такой не приходится, подпоручик. Принесли соболезнования – и можете быть свободны.

– Кто может быть свободным, решать не вам, Юрий. Это дом Владимира Викентьевича, – не выдержала я. – И хочу напомнить, что вас я уже давно прошу уйти.

– И Ольга Станиславовна вам от дома отказала, Юрий, – неожиданно вспомнила всхлипывающая Оленька.

– Не выдумывайте, барышня, – прошипел Юрий. – С чего бы она мне от дома отказывала?

– С того, что она не хотела, чтобы ее втягивали во внутриклановую борьбу. А сейчас вы пытаетесь проделать то же с Лизой. Но мы не дадим этого сделать! Мы ее защитим! – воинственно заявила подруга, выставив перед собой руки, сжатые в кулаки.

– Позвольте полюбопытствовать: мы – это кто?

– Хомяковы, разумеется, – уверенно ответила Оленька.

– Позвольте полюбопытствовать, а какое отношение Хомяковы имеют к бывшему члену клана Рысьиных, покинувшему его по недоразумению?

– Хорошенькое недоразумение, – возмутилась уже я. – Княгиня лично объявила, что я клану не нужна, потому что бесполезна, а значит, на меня не стоит тратить ни время, ни деньги.

– Фаина Алексеевна уже наверняка раскаялась, что приняла столь опрометчивое решение, отрицательно сказавшееся на репутации клана. Но ты столь изящно дала твоей по-

друге возможность уклониться от ответа, что я поневоле начинаю подозревать, не собираешься ли ты войти в клан Хомяковых. Это был бы весьма глупый поступок.

– Почему это? – возмутилась Оленька.

– Потому что это было бы оскорбительно для нашего клана. Променять Рысьиных на Хомяковых... – Юрий брезгливо скривил рот. – Фу.

– Фу – это ваш клан, Юрий, – звенящим от ярости голосом сказала я. – Пока что все его представители, которых я видела, отличаются весьма плохими манерами.

Но мое вмешательство уже ничего не спасло, потому что почти одновременно с моими словами хомяковская перчатка полетела в наглуую рысьинскую физиономию.

Глава 9

Боги, Царя храните!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь двуипостасный!
Боги, Царя храните!

Сразу после исполнения перед началом занятий этого шедевра поэтической и музыкальной мысли классная дама подошла ко мне и препроводила в кабинет главной дамы в этом заведении. Именно дамы. Важной дамы, образца для подражания. Идеальная осанка, идеальная прическа, идеальная одежда для занимаемой должности. При всем при этом идеальность была на удивление естественной – возможно, потому, что сопровождалась излишней пышностью фигуры и мягкими располагающими манерами. Разумеется, если она хотела добиться симпатии у собеседника. Почему-то подумалось, что и белье под одеждой у нее тоже идеальное, а не тот колючий ужас, что на мне. Как бы узнать, что носят такие идеальные дамы? Прямо не спросишь, не ответит и опять заговорит про мои испорченные манеры.

Директрисе я не нравилась. Даже не столько я, сколько

сопутствующие мне проблемы. Дражайшая Александра Павловна, чье имя я успела подглядеть на латунной табличке директорской двери, смотрела на меня безо всякой приязни. Холодно так смотрела и вызвала к себе еще до начала занятий явно не для того, чтобы сказать, что гимназия окажет мне всяческую помощь.

– И что же мне с вами делать? – риторически вопрошала она уже в который раз. – Вы забыли весь гимназический курс. Что там курс, даже реверанс не можете сделать правильно.

– Я непременно наверстаю.

– Когда? У вас выпускной класс.

– Я не все забыла. Языки и математику помню. Возможно, вспомню еще что-то. А пока я постараюсь готовиться к занятиям и одновременно наверстывать утраченное.

На удивление, я не волновалась об итоге этого разговора. Все мысли были совсем о другом – о дуэли между Хомяковым и Рысьиным. Владимир Викентьевич попытался примирить стороны, требуя от Юрия извинений и твердя, что княгиня будет весьма недовольна. Мне показалось, что Юрий при упоминании главы клана начал склоняться к компромиссу, тем более что перчатка была поймана на лету и не успела не то что съездить по холеной физиономии, даже нарушить безупречность усов. Но тут его противник заявил, что оскорбление второй степени простыми извинениями не смоешь, только кровью. Я пыталась было вмешаться и зале-

петала, что умные люди всегда могут решить вопрос словами, не прибегая к оружию, но меня не поняла даже Оленька, которая возмущенно бросила, что словами решают возникшие разногласия только торговки на рынке, а не люди, принадлежащие к благородному сословию, и если брат решил взять извинения кровью, значит, так тому и быть. Николай же вообще не обратил ни малейшего внимания на мою попытку их примирить. Однако какие кровожадные эти Хомяковы, никогда бы не подумала!

И вот сейчас где-то проходит дуэль Хомякова и Рысьина, на которой согласился присутствовать в качестве наблюдателя Владимир Викентьевич. Это, конечно, успокаивало, но не настолько, чтобы переживать о разговоре с директрисой больше, чем об исходе поединка. Пусть Оленька и успела рассказать, что секунданты договорились о бое на саблях и только до первой крови, что, несомненно, увеличивало шансы выжить для обеих сторон, все же было тревожно. Ведь первая кровь может стать и последней. Если, конечно, воткнуть саблю достаточно глубоко.

– В вашем положении, возможно, было бы лучшим выходом отложить занятия на год, восстановить здоровье, – внезапно ворвался в мои размышления голос заботливой директрисы. – Гимназия готова пойти вам навстречу и вернуть уплаченные деньги.

Предложение было заманчивое, очень заманчивое, поскольку я понимала, с какими трудностями придется столк-

нуться, и подозревала, что не так уж и просто их будет преодолеть. Но очень уж подозрительным выглядело это желание от меня отделаться. Учитывая, что Рысына входит в попечительский совет гимназии, я не могла не предположить, что в следующем году у меня попросту откажутся принимать документы, сославшись на то, например, что я не подтвердила пройденный курс. Нет уж, Владимир Викентьевич мне рекомендовал заняться учебой, значит, буду поступать по его рекомендации. Он целитель, ему лучше знать.

– Не в моем положении пренебрегать возможностью получить образование, – твердо ответила я. – Александра Павловна, я приложу все силы, чтобы учиться достойно.

– Понимаете, дорогая, ваши успехи и до этого трагического происшествия оставляли желать лучшего, – участливо улыбнулась директриса. – Вы отметили, что помните иностранные языки, но по ним у вас всегда был минимальный балл, и то я не уверена, что его выводили не из уважения к княгине Рысиной.

«К клану которой вы теперь не имеете ни малейшего отношения». Слова не были сказаны, но подразумевались. То, к чему отнеслись бы со снисходительностью у представителя сильного клана, никогда не спустят тому, кто лишен этой поддержки.

– Опять же, ваши манеры претерпели изменения не в лучшую сторону.

Это она сейчас про неудачный реверанс, при котором я

чуть не упала, пытаюсь ее приветствовать, или про то, что я противоречу, не желая облегчить ей задачу?

– Я постараюсь в ближайшее время привести манеры в соответствие требованиям, принятым в гимназии. То, что не вспомню, выучу заново. Надеюсь, для этого не понадобится много времени.

– И я надеюсь. Очень надеюсь.

Директриса поджала губы, демонстрируя высшую степень аристократического недовольства. Получалось у нее это очень убедительно.

– И предупреждаю вас, Седых, что вы не можете рассчитывать на снисхождение к вашему бедственному положению. Наша гимназия всегда славилась качеством образования, и если мы решим, что вы ему не соответствуете, то даже не допустим к экзаменам.

А ведь ей были даны четкие указания от меня избавиться. Но нет, по плану Рысиных ничего не пойдет: я собираюсь окончить гимназию, и вздорная княгиня этому не помешает. Не буду же я всю жизнь сидеть в уютном домике Владимира Викентьевича, подвергая его риску недовольства Рысиных? А чтобы двигаться дальше, нужно образование. Не думаю, что на курсы, о которых говорил военный целитель, примут без документа об окончании гимназии. А значит, нужно стиснуть зубы, не обращать внимания на возможное недовольство директора и учителей и учиться, прилагая все силы.

– Я учту, Александра Павловна.

– Учтите, Седых, – величаво кивнула она. – Можете быть свободны.

Наверное, если бы не классная дама, милейшая Антонина Юлиевна, я бы проискала нужный класс весь урок. Но она, в отличие от своей начальницы, отнеслась ко мне если не с симпатией, то с жалостью и взяла на себя роль Вергилия, поскольку, судя по всему, в планах директрисы было устроить мне вместо гимназии персональный ад. Как кстати пришелся подарок Шитова – показанное плетение, ускоряющее запоминание. Уверена, в ближайшем времени оно будет использоваться постоянно.

Занятия уже начались, но, поскольку я была не одна, а в сопровождении классной дамы, учитель математики лишь недовольно посмотрел и молча кивнул. Мол, проходите, не мешайте уроку. Куда проходить, вариантов не было: Оленька Хомякова чуть ли не подпрыгивала на стуле и махала рукой на случай, если вдруг я ее перепутаю еще с кем-нибудь. Перепутать было сложно, пока для меня во всем классе в общую массу не сливались только три знакомых лица: ее, Тамары и Анны, но надеюсь, это ненадолго.

Не успела я усесться рядом с Оленькой, как она ткнула меня в бок локтем и прошипела, прикрыв рот рукой:

– Что хотела Булочка? Вызывала из-за дуэли?

– Почему из-за дуэли? – невольно удивилась я. – При чем тут дуэль в делах гимназии?

– Дуэль же из-за тебя, для гимназии это позор, – пояснила не менее удивленная подруга. – Гимназистки не должны вести себя так, чтобы из-за них дрались.

Несмотря на то что говорила она о недопустимых вещах, в голосе ее проскользнуло сожаление, что дуэль из-за меня, а не из-за нее. Честно говоря, я бы с радостью уступила ей эту честь, если бы не была уверена, что никак не могу считаться причиной дуэли.

– Не из-за меня, а из-за оскорбления клана.

– Рысьин же не просто так оскорбил, а потому что приревновал тебя к Коле, – уверенно ответила Оленька. – И не на пустом месте приревновал.

И она так посмотрела, словно уже успела заручиться согласием на помолвку не только от меня, но и от брата. А я в ужасе поняла, что, если эту версию донесут до директрисы, той даже не придется ничего выдумывать, чтобы меня отчислить. Господи, и почему Хомяков не принял извинения Рысьина? Почему вообще боги принесли этого Рысьина столь не вовремя? Сидел же он где-то до похорон, что мешало ему продолжать заниматься этим дальше? И почему мне не удалось выставить Юрия раньше, чем пришли Хомяковы?

– Не выдумывай, – прошипела я. – Обычное соперничество представителей разных родов войск. И пожалуйста, никому не говори такой ерунды, а то директриса меня собирается выгнать при первой же возможности, которую ты ей дашь неосторожными словами.

– Не волнуйся, я никому не проболтаюсь. – Оленька повернулась ко мне, заговорщицки подмигивая и совсем забыв, что находится на уроке.

– Хомякова, я смотрю, вы горите желанием выйти к доске, – ворвался в нашу милую беседу голос учителя. – Не стану ему препятствовать. Слишком редко оно возникает.

С первой парты раздался ехидный смешок. Понятно, там сидит кто-то, не любящий Оленьку, а значит, и меня, как ее подругу. Воротничок беленький, аккуратный, тонкого кружева. Пушистые русые волосы заплетены в тугую толстую косу. Конечно, врагов надо знать в лицо, но за неимением одного сойдет и спина: если не по косе, то по воротничку я точно узнаю нужную одноклассницу. Вряд ли тут такие кружева поставлены на поток.

– Андрей Андреевич... – умоляюще-обреченно протянула Оленька, враз забыв и про меня, и про дуэль, и про свои коварные планы.

Но я про них не забыла и, пока подруга двигалась к доске, оправдывая свою фамилию (со скоростью хомяка, смертельно больного и хромящего на все четыре лапы), размышляла, как восстановить если не память, то события, предшествующие ее потере, без чужой помощи. После слов Юрия я начала сомневаться даже во Владимире Викентьевиче, не говоря уже об Оленьке. Срочно нужна была хоть какая-то информация. Но где ее взять? Тут я вспомнила, что пока даже не была в своей квартире. А ведь там могут быть фотогра-

фии и письма. Этого, конечно, мало, чтобы понять картину полностью, но хоть получу какое-то представление о своей прежней жизни. И тут меня как молнией пронзило, я аж на стуле подпрыгнула. Дневник! Вдруг я вела дневник? Дневник, в котором описывала и события, и свое отношение к ним. Каждая приличная гимназистка обязана вести дневник на случай внезапной потери памяти. Надеюсь, я была не просто приличной, а очень приличной гимназисткой с пятеркой по поведению и огромным многотомным дневником, в деталях описывающим мои дни.

– Седых, я надеюсь, такой энтузиазм у вас вызывает желание помочь подруге? Похвальное желание. Прошу вас к доске, – любезно предложил Андрей Андреевич.

Его опять поддержала угодливым смешком та же одноклассница. В этот раз мне удалось увидеть ее лицо. Я бы даже назвала его милым, не будь оно искажено гримасой неприязни, непонятно на кого обращенной: на меня, на мою подругу или на аккуратные цифры на доске, которые задумчиво изучала Оленька, грызя мел, вместо того чтобы бойко строчить на доске решение. О чем тут вообще думать? Простейшая система уравнений, мы как раз такие с ней и решали. Мел я у подруги отобрала и нацелилась им на доску.

– Ах да, Седых, – спохватился Андрей Андреевич, – у вас же проблемы со здоровьем. Хорошо, можете вернуться на место без оценки.

Выглядел он при этом как престарелый рыцарь, выступив-

ший на защиту дамы от дракона. Наверное, в его представлении отсутствие кола по математике спасало меня от гнева директрисы. Но в моем положении необходимо было не отсутствие отрицательных оценок, а присутствие положительных, поэтому я и не подумала вернуться.

– Целитель сказал, что мои проблемы со здоровьем не должны мешать учиться, поэтому решение простенькой системы уравнений мне никак не повредит.

– Простенькой? – скептически хмыкнул он. – Ну те-с, приступайте. Посмотрим, как вы запоете через пять минут, Седых. Впрочем, я уже сказал, что оценивать ваши знания сегодня не буду.

– Извините, Андрей Андреевич, но я требую, чтобы ко мне относились без всякой снисходительности и оценивали мои знания в соответствии с показанным уровнем, – выпалила я и наконец приступила к решению.

Держать мел в руке оказалось непривычно, он крошился, пачкал пальцы и вообще писал совсем не так красиво, как бы мне хотелось. С другой стороны, красота – это было последнее, о чем я сейчас думала. Главное – не допустить ошибки. Пример, конечно, действительно простой, но кто мне помешает отвлечься и вместо того, чтобы сложить, взять и вычесть? Уж точно не Оленька, которая поддерживающе сопела рядом.

Андрей Андреевич опять хмыкнул, в этот раз – удивленно-одобрительно. Но я на него даже не оглянулась, пока не

закончила решать и не поставила последнюю точку. Мел я положила на полочку, попыталась оттереть пальцы от его остатков и лишь потом повернулась к классу.

– Неожиданно, Седых, весьма неожиданно. Я ведь внимательнейшим образом за вами следил. Вы ниоткуда не списывали. Каким образом вам удалось подтянуть мой предмет за столь короткий срок?

– Благодаря Ольге, конечно, – уверенно ответила я, беря подружку за руку, – как только мне разрешили заниматься, она сразу пришла с учебниками и помогала выполнять задания, делаясь знаниями.

– По-видимому, она столь старательно делилась, что ничего не оставила себе, – не удержался от ехидного замечания учитель. – Хомякова, вы в следующий раз, пожалуйста, поаккуратней, а то совсем без ничего в голове останетесь.

Девушка с кружевным воротничком столь радостно улыбнулась шутке, словно любое унижение нас с Оленькой доставляло ей истинное удовольствие. И за что она так на нас взъелась? Это я попыталась выяснить, когда мы уже сидели за партой, а Андрей Андреевич все свое внимание уделял девушке, стоящей у доски.

– Как за что? – удивилась Оленька. – Реалист, в которого Анничкова влюблена, весь прошлый бал волочился за тобой. Так что она не любит тебя, а меня – просто за компанию.

– Я бы поняла, если бы она меня не любила за то, что волочилась я. Но как я могу повлиять на тех, кто волочится за

мною? – проворчала я. – Наступать им на ноги в танце?

– А что? Это у тебя хорошо получается, – хихикнула Оленька, намекая на своего брата.

– Хомякова! – рявкнул Андрей Андреевич. – У нас идет урок, если вы не заметили. Я понимаю ваше желание помочь подруге и объяснить ей все, что она забыла, но прошу вас делать это на перемене. Или вы хотите сниженную оценку по поведению?

Сниженную оценку Оленька не хотела, я тоже, поэтому на уроке мы просидели тише мышек, боящихся высунуть нос при коте, а на переменах решили тоже ничего не обсуждать: слишком много было любопытных ушей. Даже Аничкова так и терлась рядом, желая узнать, о чем мы секретничаем. Неприязнь неприязню, а любопытство любопытством. И это наши одноклассницы еще не знали о дуэли, которая к этому времени уже давно должна была закончиться. Ах, почему я не попросила Владимира Викентьевича прислать записку? Сейчас бы не мучилась. Олечка была непоколебимо уверена в превосходстве своего брата, я же опасалась, что Юрий не такой слабый противник, как ей кажется, и может выкинуть какой-нибудь подлый финт.

Но все прояснилось сразу после занятий. Когда мы выскочили из ворот, около них уже важно прохаживался ожидавший нас Николай. Изрядно оципаный, но непобежденный – это было не про него. Брат Оленьки выглядел столь блестяще и подтянуто, что я засомневалась, что дуэль вообще

состоялась.

– Как все прошло? – заговорщицким шепотом спросила подруга, хватая брата за рукав.

– Я его немного поцарапал, – небрежно ответил тот.

Глава 10

– Расскажешь, как все было? – спросила Оленька, не отрывая восхищенного взгляда от брата. – Жалко-то как, что нельзя было посмотреть.

Она горестно вздохнула и провела пальцем по его рукаву.

– Да что там интересного? – чуть рисуясь, ответил тот.

– Как это что? – возмутилась Оленька. – Я за тебя переживала, даже на математике у доски не ответила. И Лиза тоже.

– Не ответила по математике? – уточнил Николай. – А ты уверена, что из-за меня? Вдруг просто тема попалась сложная?

Мне показалось, что он немного огорчился, что я не вцепилась в другой рукав и не начала спрашивать подробности дуэли. Но такое поведение противоречило бы моему глубоко убеждению: у офицера должна быть свободной хотя бы одна рука, иначе как он будет нас защищать от опасностей?

– Я ответила, – возмутилась я. – И правильно ответила. Не ответила только Ольга.

– Наверное, потому, что за меня волновалась больше, – предположил Николай. – А вы больше волновались за Рысына. Кстати, он сказал, что вы, Лиза, почти его невеста. До совсем невесты оставались простые формальности.

От наглости Юрия я потеряла дар речи. Я ему прямо вче-

ра сказала, что не желаю видеть и освобождаю от всех обязательств, если таковые есть.

– Врет он! – ответила вместо меня Оленька и дернула брата за рукав. – Лиза, конечно, не помнит, но я бы знала, сойди она заключать с кем-то помолвку.

– Я ему так и ответил. Мол, очень удобно: девушка потеряла память, и можно любую выдумку выдать за правду. Этак каждый желающий может заявить, что Лиза была с кем-то помолвлена. Недостойное поведение для благородного человека. Тем более офицера.

Оленька притворилась, что впервые увидела кованый узор на решетке ограды, хотя щеки зарозовели – значит, явно приняла на свой счет. Пусть офицером она не была, но не так давно разглагольствовала о принадлежности к благородному сословию, а сейчас брат явно выказал отношение к такому обману. Пусть даже был тот из самых благородных побуждений.

– Мы сейчас куда? – почти невозмутимо спросила она.

– Я хочу попасть к себе в квартиру, – вспомнила я. – Ты, когда забирала оттуда мои вещи, ключи где брала?

– У Владимира Викентьевича, ему и отдала.

– А Владимир Викентьевич в лечебнице...

Я задумалась, смогу ли найти туда дорогу. Конечно, можно спрашивать у прохожих, но мы тогда довольно долго ехали, и не факт, что, даже зная дорогу, я дойду туда раньше вечера. В стоимости проезда я не ориентировалась, да и де-

нег не было ни копейки. Возможно, что-то есть в доме. Но это неточно...

– Подвезти? – предложил Николай.

Несколько неуверенно предложил, и я сразу вспомнила, что лечебница Рысьиных, а он теперь с их кланом в неприязненных отношениях. Княгиня не вызывает теплых чувств даже у меня, а если при встрече попытается загрызть Хомякова, я буду чувствовать себя виноватой. С другой стороны, до смерти не загрызет, да и что ей там делать? В прошлый раз Владимир Викентьевич специально вызывал ее ради меня, а просто так она вряд ли ходит по учреждениям клана. Пешком идти не хотелось.

– А у вас не будет из-за этого неприятностей, Николай? – все же уточнила я.

– Почему у меня должны быть неприятности?

– Мало ли...

– Мало ли, много ли... – фыркнула Оленька. – Скажите на милость, почему у Коли должны быть неприятности из-за того, что он подвезет сестру и ее подругу?

– Садитесь, – скомандовал Николай.

И хотя он распахнул дверцу переднего сиденья, я все-таки устроилась сзади, с Оленькой рядом, а то еще, не дай бог, подумают, что дуэль действительно была из-за меня и сейчас ему вручили желанный приз. Николай если и расстроился, то вида не подал и пересесть не попросил.

Молча ехали мы недолго. Оленька почти сразу начала вы-

пытывать подробности дуэли, Николай отшучивался, ничего не желая рассказывать. Действительно, не женское это дело – дуэлями интересоваться. Вряд ли я могла бы вызвать Юрия. Не то чтобы я этого хотела, это было бы сродни самоубийству, если, конечно, не использовать поток магии. Но тогда наверняка назвали бы убийством, совершенным с особой жестокостью. Но что делать, если меня оскорбят? У меня же теперь нет ни родственников, ни клана. Получается, никого нет, кто бы вступился за мою честь в случае чего?

– Оля, а со стороны мамы у меня кто-нибудь остался? – ни на что не надеясь, спросила я. – Не знаешь?

– Нет, не остался. Твои папа и дедушка по маме погибли вместе, бабушка еще раньше, а твоя мама у них единственная дочь. Была. И они бы-ыли, – Оля всхлипнула и утерла показавшиеся слезы. – Одна ты осталась после того, как Рысына от тебя отказалась. То есть не одна, конечно, у тебя есть я.

Она выразительно уставилась на спину брата, наверняка ожидая, что тот добавит: «И я». Но Николай либо не слушал, о чем мы говорим, либо его собственные желания с желаниями сестры не совпадали. В конце концов, офицер российской армии – не гимназистка, просто так словами не бросается. Если что скажет – обязан соответствовать.

– Ты мне как сестра, – продолжала Оля, недовольно поглядывая на брата. – Я тебе во всем помогу и поддержу.

Мы как раз проезжали мимо солидного здания с золоты-

ми буквами, складывающимися в название «Ильинский земельный банк», поэтому я не удержалась от шутки:

– А если я соберусь ограбить банк?

– Когда? – заинтересовалась Оленька, уставившись на меня округлившимися от восторга глазами. – Этой ночью или нужно время на подготовку?

– Барышни, – грозно сказал Николай, – никто грабить банки не будет.

– Но Лизе же нужно брать где-то деньги, – возразила ему Оленька. – Так почему не в банке?

– Потому что если берешь в банке деньги, которые положил туда не ты, то тебя помещают в тюрьму, – доходчиво пояснил Николай.

– Я пошутила, – на всякий случай сказала я, а то вдруг заподозрит меня не только в криминальных наклонностях, но и в том, что подбиваю его сестру на противоправные действия.

– Я-то понял, – бросил Николай, не поворачиваясь.

– Но денег-то у тебя все равно нет, – разочарованно округлила губы Оленька. – Значит, нужно их где-то брать.

– Мне наверняка должны платить пенсию от военного ведомства. Только я понятия не имею, куда нужно для этого обращаться.

– Я узнаю, – предложил Николай. Точнее, не предложил, а поставил в известность. – Кстати, о банках. Возможно, у Лизиной мамы был вклад в банке или страховка. Нужно по-

смотреть в доме документы.

– У Ольги Станиславовны секретер с документами стоял в спальне, – припомнила Оленька отнюдь не с таким энтузиазмом, как ранее говорила про ограбление.

Она оглянулась на банк, но здание давно скрылось за поворотом, и слава богу. А то с нее станется разработать план по привлечению для моего выживания денежных средств из банка без его ведома.

К лечебнице мы приехали без приключений, но внутрь я пошла одна, отказалась от Оленькиной поддержки: мало ли как теперь отнесутся в лечебнице клана Рысьиных к представителям клана Хомяковых. Вдруг в отместку за Юрия устроят внеплановое лечение его сестре? Нет уж, пусть лучше посидит с братом. Где найти Владимира Викентьевича, она мне объяснила столь подробно, что я, наверное, и с закрытыми глазами смогла бы найти. Да и что там искать? Первая комната справа на втором этаже, дверь в которую была приглашающе приоткрыта.

Я почти прикоснулась к ручке, как услышала голос Владимира Викентьевича. Целитель был не один и сейчас с кем-то разговаривал. Сурово разговаривал, совершенно в несвойственной ему манере.

– А я еще раз повторю, что вы совершаете серьезную ошибку. Я с самого начала был против, если вы помните, но теперь ситуация вовсе выходит из-под контроля.

– Дорогой мой, – я с удивлением узнала голос княгини

Рысьиной, спокойный и даже расслабленный, – вы же не будете отрицать, что это дало нужный эффект?

– Не всякий нужный эффект принесет пользу клану. Особенно если ему сопутствует ненужный. Этот вариант лечения мне не нравится. Уверяю вас, ваша Светлость, того же эффекта можно достичь другими методами, не столь травматичными.

А не так уж он ее и боится. Я бы с интересом послушала и дальше, но мне не дали. Дверь резко распахнулась, и цепкие пальцы княгини ухватили меня за запястье.

– Пришла посмотреть на дело рук своих? – фыркнула она скорее разочарованно, чем зло. – Ну что ж, смотри.

Я даже опомниться не успела, как она втокнула меня в соседнюю комнату, оказавшуюся палатой, весьма похожей на ту, в которой не так давно очнулась я. Возможно, это она и была. Но сейчас в ней лежал Юрий, бледный, почти как побеленная стенка рядом с кроватью. Увидев нас, он вздрогнул, что не помешало ему принять вид мученика, несущего с достоинством все невзгоды, предназначенные судьбой. Интересно, какой травматичный метод лечения затребовала для него Рысьина? Надеюсь, многочисленные клизмы до полного очищения мозгов от глупых мыслей.

Я повернулась к княгине:

– Честно говоря, не понимаю, зачем мне смотреть на данного индивидуума.

И рукой подергала: мол, отпустите же. Не драться же с

пожилой женщиной? Тем более что я не уверена, что выйду победителем: хватка у нее железная, хорошо хоть, без когтей обошлось.

– Стыдно стало, что он из-за тебя пострадал? – Чуть помедлив, Рысына меня все-таки отпустила.

– Он пострадал из-за своего недостойного поведения, – отрезала я. – Если уж кого в этом обвинять, то не постороннюю девушку, а главу клана, которая не объяснила, что оскорблять другие кланы чревато.

– Лизонька, – простонал Юрий, – ты ко мне столь жестока, потому что я проиграл?

Я хотела ответить: «Потому что вы идиот, Юрий», но очень уж несчастно он выглядел, да и общения с кланом Рысыных мне на сегодня уже хватило. Повернулась к двери, чтобы выйти, и наткнулась на внимательный прищуренный взгляд.

– Я дам согласие на ваш брак, только если ты принесешь клятву полного подчинения, – выдала княгиня.

– Как хорошо, что мне не нужно ваше согласие, – медоточиво пропела я. – И Юрий ваш мне тоже не нужен. Объясните ему это как-нибудь, пожалуйста. Без меня.

Прощаться я не стала, выскочила за порог и врезалась во встревоженного Владимира Викентьевича. Дверь за собой я прикрыла аккуратно, чтобы не попасть княгине под горячую руку: очень уж нехорошая тишина установилась в палате.

– Елизавета Дмитриевна, что случилось?

– Я бы хотела попасть в свою квартиру. Оленька сказала, что брала ключи у вас, Владимир Викентьевич.

Наконец раздались громовые раскаты недовольного голоса главы клана Рысьиных, за которыми ответных реплик Юрия не было слышно, если они, конечно, были. Мне даже стало его немного жалко: как-никак родственник, единственный, кроме княгини, которого я видела.

– Да-да, они у меня, – отмер целитель, опасливо посмотрев на дверь.

– Юрий сильно пострадал? – решила проявить я участие.

– Ему хорошо досталось, – подтвердил Владимир Викентьевич. – Хомяков осторожничать не стал.

Он столь недовольно взглянул, что я невольно представила картину, как Николай прыгает по поверженному Юрию, раз за разом втыкая саблю в его тело, да не просто втыкая, а проворачивая в ране для большего ущерба.

– Они же бились до первой крови? – вспомнила я. – Рана должна была быть только одна.

– Рана-то одна, Елизавета Дмитриевна, но серьезная, а княгиня потребовала, чтобы состояние Юрия не облегчали. Угрозу жизни сняли – и достаточно. Как она сказала: пусть прочувствует всю прелесть последствий ранения и научится думать и держать язык за зубами.

– Возможно, она права. – Я покосилась на дверь, за которой все так же продолжался княгинин монолог, и поняла, что у меня нет никакого желания встречаться с ней еще раз. –

Владимир Викентьевич, может, вы отдадите мне ключи и я пойду?

– А с Рысьиным вы увидите без свидетелей не хотите? – чуть удивленно спросил он.

Забавно. Похоже, и он, и Рысьина посчитали, что влюбленная я пришла навестить пострадавшего поклонника. Что же им такого наговорил Юрий?

– Ни со свидетелями, ни без, – отрезала я. – Не знаю, что он вам сказал, но с моей стороны ничего нет, даже если было раньше. Более того, связываться с типом, к которому в задачу идет такая особа, – я кивнула на дверь, ураган за которой, казалось, только набирал обороты, – я считаю весьма неблагоприятным.

– Рысьины – один из сильнейших кланов, – зачем-то напомнил Владимир Викентьевич, впрочем наконец двигаясь к себе в комнату.

Я прошла за ним, не желая напоминать, что к этому клану я больше не принадлежу. А вот целитель принадлежал, и не сказать, что это сильно пошло ему на пользу. Обстановка в кабинете была прямо-таки спартанская: стол, шкаф, сейф, кушетка для пациентов и пара стульев. Вещи добротные, под посетителем не развалятся, но при покупке явно выбирали наиболее бюджетный вариант. Интересно, а как с нужными Звягинцеву приборами? Или целитель сам по себе прибор и в дополнительных устройствах не нуждается?

Владимир Викентьевич выдвинул второй ящик стола, по-

шарил в нем, вытащил связку ключей и протянул мне.

– Сейчас я запишу вам адрес, – сказал он, вытаскивая лист бумаги из верхнего ящика.

– Спасибо, но не надо, меня Оленька проводит.

– Хомякова? – Он покачал головой. – Зря вы ее сюда привели, Елизавета Дмитриевна.

– Я уже ухожу. А Оленька на улице, в машине, с братом.

Ответом мне был выразительный взгляд целителя. Брата Оленьки он не одобрял еще больше, чем ее саму. И то сказать – именно брат доставил ему дополнительную работу и послужил причиной того, что княгиня навестила лечебницу. Впрочем, тот кусок разговора, что я услышала, показал, что для Звягинцева она не так страшна, как он притворяется. Я торопливо попрощалась и убежала. Княгиня от Юрия так и не вышла до моего ухода, о чем я ни капельки не пожалела, а то с Владимира Викентьевича станется настоять, чтобы я все-таки навестила пациента.

– Рысын здесь, – сразу сказала я Хомяковым, садясь в машину. – Княгиня как раз его распекает.

Оленька ойкнула чуть испуганно и посмотрела на брата.

– Разумеется, – ответил тот. – А где ему еще быть? Это же рысинская лечебница. Лучшая в городе.

Несмотря на столь высокую оценку, удалялись мы от нее быстрее, чем подъезжали. Интересно, на чем прибыла княгиня? Вряд ли она ходит пешком, а рядом со зданием я не заметила ни автомобиля, ни экипажа.

– Так-таки лучшая, – позволила я себе усомниться.

– Лучшая, – подтвердила Оленька. – У них три целителя.

Даже в столичных не во всех по одному есть, а тут целых три.

Для наглядности она сложила большой палец и мизинец вместе и поднесла почти к моему носу оставшихся три пальца. На мой взгляд, пять пальцев смотрелось бы куда гармоничнее, но что-то мне подсказывало, что для показа количества целителей чаще всего используется только один. Если, конечно, есть что показывать.

– То есть целителей мало?

– Людей с магией вообще мало, а целительство из них выбирают единицы, – пояснил Николай. – И за эти единицы такие битвы идут, куда там военным сражениям! Больше всего под себя военное ведомство забирает: там и жалованье хорошее, и возможность выслуги, пенсия, опять же. Но и отдельным кланам есть чем привлечь: оклад выше, возможностей больше. Рысьины точно не скупятся. Поверьте, Лиза, Звягинцев – один из лучших российских целителей, и вам необычайно повезло, что он оказался рядом, иначе мы бы с вами сейчас не разговаривали.

– Возможно, но вообще нападавшие выбрали странный способ.

– Почему?

– Не проще было бы просто убить?

– Разумеется, проще. Но тогда бы их уже вычислили и арестовали.

– Каким образом? – удивилась я.

– Понятно же, вызвали бы душу и допросили, – невозмутимо пояснил Николай. – Напавшие не хотели рисковать.

Он говорил об этом как о чем-то совершенно обыденном, для меня же его слова явились очередным откровением.

– Но меня же вернули, а допросить не удалось. Я просто ничего не помню.

– Это другое. Я не очень разбираюсь, – честно признался Николай, – но, насколько понимаю, душа ушла настолько далеко, что почти порвалась связь с телом, а с ней ушли и все воспоминания.

Доехали мы быстро. Дом, в котором я раньше жила с мамой, был небольшой, двухэтажный, с аккуратно выложенными кирпичными узорами на фасаде. Дом не для одной семьи: в подъезде выяснилось, что на каждом этаже находятся две квартиры. Моя была на втором. Я ужасно волновалась: почему-то казалось, что посещение своей комнаты окончательно отрежет меня от прошлой жизни, если я там не почувствую ничего родного и близкого. Так что ключи в замке я проворачивала с некоторым душевным трепетом, полностью испарившимся при виде представившейся картины.

– Я же была здесь последней, – выдохнула Оленька.

– Только не говори, что ты так искала Лизины вещи.

– Не скажу, – испугалась она. – Это не я. Честное слово, Коля, не я.

Хотя подруга и проявила криминальные наклонности, ду-

маю, сейчас никто бы не усомнился в ее словах. Вряд ли хрупкая девушка устроила этакий бардак: все, что могло быть вывернуто, было вывернуто. Вперемешку валялись вещи и бумаги, на одной из которых остался след каблука Мужского, что характерно. Так что это точно не Оленька, решившая вдруг потренироваться перед ограблением банка.

Глава 11

Урядник долго и нудно выпрашивал о том, чего я не знала и знать не могла, потому что не помнила. Пришлось несколько раз ему на это указывать. Я понятия не имела, что злоумышленники могли тут искать и нашли ли. Во всяком случае, точно не деньги: тощая пачка банкнот, перевязанная шпагатом, небрежно валялась на полу в комнате, бывшей когда-то маминой спальней. Валялась около секретера, о котором говорила Оленька, когда заходила речь о документах. Неужели преступников интересовали именно они? Договор о покупке квартиры, небрежно смятый, тоже лежал на полу, и взгляд постоянно возвращался к неровным машинописным строчкам. На полу же нашлись надорванная паспортная книжка мамы и мое метрическое свидетельство. Может, было что-то еще, куда более важное?

Девушка, которая работала в нашей семье приходящей служанкой, жила недалеко, поэтому вскоре уже бродила по квартире, удрученно охая и косясь на меня с жадным любопытством, и проверяла, не пропали ли какие-нибудь ценности. Ценности не пропали, да и было их не так уж и много. Преступники явно охотились за чем-то другим. Тем, что не взяли в прошлый раз. Я была в этом уверена. Был в этом уверен и урядник.

– Мутное дело, барышня, – поморщился он. – Сразу чест-

но вам скажу: вероятность раскрытия низкая. По прошлому преступлению никаких зацепок нет. По этому тоже. Разве что отпечаток каблука, и то он без особенностей.

– А отпечатки пальцев? – удивилась я. – Почему вы не снимаете отпечатки пальцев?

– Зачем? – удивился уже он.

– Как это зачем? Узор на подушечках пальцев уникален, по нему можно определить, кто здесь побывал и чего касался.

– Барышня, не стоит рассуждать о том, в чем вы не разбираетесь, – увещевающе сказал урядник. – Где вы видели, чтобы снимали отпечатки пальцев? Как их, по-вашему, фиксировать?

– Простите, кто из нас представляет сыск? – возмутилась я. – Вы или я? Вы. Значит, вы и должны знать, как снимают отпечатки пальцев с поверхностей. Вообще, это первое, что делают при ограблениях.

– Где делают? – не унимался он.

– Не помню. – Я потеряла лоб. – Но точно знаю, что делают. Я точно про это читала, – добавила я после скептического хмыка сыскаря.

– В немецкой газете? – предположил Хомяков.

– В немецкой? Скорее, в английской, – неуверенно ответила я. – Да, точно, этот метод был разработан в Англии.

Всплывшее воспоминание так обрадовало, что я не смогла удержаться от улыбки, хотя обстановка к тому не распо-

лагала.

– Ты и английский вспомнила? – поразилась Оленька, не отходившая от меня ни на шаг. – Но как? Мы же его не учили!

– Возможно, статья была в нашей газете, но рассказывала о событиях в Англии. Перевод или пересказ их статьи, – предположил Николай. – Я тоже что-то такое читал.

Я не стала их радовать тем, что, очень похоже, перевод с английского мне не нужен: я прекрасно прочитаю на нем все сама. Пусть это останется тайной вкупе с остальными касающимися меня странностями. Набирается их все больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.